

A movie poster for the film 'Bitch of Dreams'. The scene is set in a rustic, dimly lit room with wooden walls and a low ceiling. An older man with long white hair and glasses sits at a round wooden table, writing in a large open book with a quill. A younger man with dark hair stands behind him, leaning over the table. In the background, another young man with blonde hair stands with his arms crossed. The table is cluttered with books, scrolls, and a small lamp hangs over it. The overall mood is mysterious and historical.

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ,
ЕЛЕНА БЫЧКОВА,
НАТАЛЬЯ ТУРЧАНИНОВА

БИЧ СНОВИДЕНИЙ

Алексей Юрьевич Пехов
Наталья Владимировна Турчанинова
Елена Александровна Бычкова
Бич сновидений
Серия «Мастер снов», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69897757

Аннотация

Заключительная книга цикла «Мастер снов».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	33
Глава 3	72
Глава 4	102
Глава 5	133
Конец ознакомительного фрагмента.	143

**Алексей Пехов,
Елена Бычкова,
Наталья Турчанинова
Бич сновидений**

*Сон разума – порождает чудовищ.
Есть только одно благо. Знание. И только одно
зло – невежество.¹*

**Глава 1
Зов бездны**

Меня окружал чернильный мрак. Долгий путь из тьмы во тьму. Она клубилась позади, затягивала дорогу под ногами, глушила звуки шагов и струилась по обеим сторонам лестницы, которой я спускался.

Старый дом учителя не торопился открывать перед его учеником один из своих новых секретов, безмерно удлиняя дорогу в неизведанное. По стертým бетонным ступеням скользил теплый круг света от моей зажигалки, выхватывая то грубую кладку, то красные кирпичи, напоминающие цветом свежую артериальную кровь, выступившую из стены, то

обломанный медный держатель для факела, торчащий почти у самого пола. Кто его вбил здесь на такой высоте? Для кого? Чьи шаги он должен был освещать?

Запах подвала становился все слабее, застоявшийся затхлый воздух рассекли узкие лезвия ледяного сквозняка. Едва уловимый звук долетел сквозь пласты сновидения. Скрип приоткрывающейся двери.

Ступени больше не вели вниз. В какой-то миг я понял вдруг, что поднимаюсь и не заметил этого внезапного искажения пространства.

Темнота наверху оказалась прорезана белой щелью. Из нее била тонкая полоса света. С каждой секундой я видел все больше деталей. Крошечные пылинки в призрачной завесе лучей, трещины в красной кирпичной кладке, мелкие словно речной песок под ними...

Огонь больше не был нужен и я погасил его. Убрал нагретый металлический цилиндр зажигалки в карман.

Волос коснулось что-то, и я остановился. Поднял голову. Совсем близко от моего лица оказались плотно сколоченные доски.

Люк.

Тот самый, через который я спускался сюда не так давно, погружаясь в бездну.

Или другой?

Он сдвинулся в сторону, подчиняясь нажатию моей руки. Я поднялся по трем ступеням на кухню моего дома. Дома

Феликса.

По потолку бегали солнечные зайчики, отражаясь от речной воды в ведре. Свежий ветер, наполненный ароматом лета, колыхал короткую занавеску на окне. Стол покрыт белоснежной скатертью. Две табуретки окрашены белой эмалью. Все как прежде. Ничего не изменилось.

Что я ожидал увидеть? Тайные проходы в древние храмы? Морские гроты? Горные пещеры?

Медленно ступая по теплomu полу, я прошел дальше, в комнату.

Все окна были открыты. Свет – кажущийся зеленоватым, как в аквариуме – из-за солнечных лучей, пробившихся сквозь листья и хвою деревьев, вплотную подступивших к дому. Слышалось громкое радостное пение мухоловок, иногда ровно гудели моторы лодок на реке, с пляжа доносился веселый смех, голоса.

Пахло лесной малиной и сухим деревом, шерстяными пледами и свежескошенной травой.

Я стиснул спинку стула обеими руками. Тоска по прошлому ударила с неожиданной силой. Как отчаянно я скучал по этому дому. По тем временам, когда он был таким... и когда здесь был Феликс...

Неожиданно послышался шорох, какой бывает, когда песок сыплется на камни. Шуршание и сухой шелест. Я увидел что телевизор – старый «Сапфир», еще древний, ламповый, включился. Сначала по квадратному экрану, заключенному

в деревянный корпус, бежали черно-белые извилистые полосы, издающие треск и шипение. Затем появилось смазанное изображение, и когда через несколько секунд оно стало четче – я разглядел комнату. Точно такую же, как та, где я стою сейчас. Зеркальное отражение. Вплоть до бликов на горчично-желтом паласе и выгоревшего уголка картины, вышитой разноцветной гладью. Я в недоумении уставился на него и вдруг боковым зрением заметил тень, мелькнувшую на фоне окна. Резко повернулся...

Но не успел.

Как оказалось, я вообще смотрел не в ту сторону. Отвлеченный «приманкой».

Кто-то набросился на меня со спины. Стиснул, лишая возможности двигаться и даже дышать. Стал давить. И я понял, что неизвестный, кем бы он ни был, сейчас задушит меня. Сила, которой меня накрыло, была совершенно звериной. И, возможно, я слишком доверился этому дому.

Я резко ударил невидимого противника затылком. Но тот лишь крепче сжал меня, все яснее создавая иллюзию, что мое тело оплетает петлями гигантский пифон. Тогда я оторвал обе ступни от пола – и мы рухнули на доски, которые под тяжестью веса треснули, разломились и... вместе с полом я провалился в новый фрагмент сна. Или реальности.

Чужие воспоминания – яркие и вещественные – заменили мои собственные зрительные образы и мысли.

...Жаркий летний день постепенно приближался к концу. Солнце, катясь на запад, светило сквозь ветви лип, растущих за соседним забором. В небе с криками носились далекие стрижи, похожие на черные тонкие росчерки. Ветер шумел в высоченных лиственницах. Старые яблони радовали глаз мелкими зелеными яблоками.

Феликс сидел на деревянном диване, сколоченном из поперечных реек и покрашенных лично им в темно-зеленый цвет. Шурился на заходящее солнце. Нестор расположился рядом, рассказывая одну из своих бесконечных историй. Ученик старого танатоса мог слушать их часами, задавая одни и те же вопросы и получая одни и те же ответы. Путешествие на север, грандиозная стройка в Бэйцзине, где Нестор, по его словам, был незаменимым специалистом, выращивание картофеля, ураган тридцатилетней давности, шаровая молния, двадцать лет назад пролетавшая в соседнем переулке... В этих беседах было нечто медитативное, когда смысл растворяется в простом звучании.

Громко хлопнула калитка, обрывая рассказ. И Феликс давно научился отличать по звуку, кто пришел: свой или чужой, потенциальный заказчик или принесли почту.

По тропинке к дому шла женщина. Невысокая, в сером платье ниже колена. Волосы замотаны низким узлом. С точки зрения молодого дэймоса ничего стоящего внимания в плане финансовой выгоды в ней не наблюдалось. Однако Нестор, заметив ее, приподнялся, и она торопливо свернула

на тропинку, ведущую в сад.

Чем ближе женщина подходила к ним, тем стремительнее менялось мнение Феликса о ней. Ее одежда по-прежнему выглядела дешевой, лицо непримечательным, безвозрастным, но вот туфли... Натуральная кожа, качественная прошивка, идеальная колодка, изящный каблук. Незнакомка старалась выглядеть проще, чем была на самом деле.

– Добрый вечер, – произнесла она безупречно вежливо, но в ее голосе прозвучало нечто такое, отчего наблюдательный юноша сделал вывод, что она привыкла распоряжаться, а не просить.

– Добрый, – отозвался старый танатос не то что бы очень дружелюбно, в свою очередь рассматривая гостью.

– Мне сказали, к вам можно обратиться. Вы делаете сложные заказы.

– Делал, – сказал Нестор неспешно, хмуря седые брови. – Что нужно?

– Гроб, – ответила она с небольшой заминкой, нервно убирая светлый завиток волос за ухо, мочка которого была проколота, но сережки в ней не обнаружилось. – Вот, у меня есть размеры... – Женщина вытащила из кармана кофты конверт, и на Феликса повеяло дорогим ароматом.

Цветочный, с отзвуком ежевики и бергамота. «Аура Венеры» – узнал он самые модные духи этого сезона.

Нестор не сделал даже попытки его взять, лишь нахмурился еще сильнее.

– Кто вас ко мне послал?

– Один знакомый, он просил не называть имен, – ответила она поспешно. – Так вы возьметесь?

– Материала подходящего нет, – буркнул танатос и уселся на диван, показывая, что разговор окончен.

– Я могу заплатить! И подождать сколько нужно. – Под каблуком ее модельных туфель хрустнула веточка, конверт в руке задрожал. Она перевела взгляд голубых глаз, неуместно ярких для этого бледного, почти серого лица на молчащего Феликса. Как будто тот мог повлиять на учителя.

– Не работаю больше, – сказал Нестор сурово, – так и передайте вашему знакомцу.

Когда разочарованная просительница ушла, также громко хлопнув калиткой, молчавший все это время Феликс повернулся, ожидая объяснений.

– У тебя же досками весь сарай завален. Просушенные, сосновые. Я, конечно, понимаю, заказ не самый привычный, но...

– Знаешь, кто ко мне приходит за гробами? – с усмешкой спросил Нестор и его лицо, заросшее седой щетиной до самых глаз, стало еще больше напоминать физиономию сильвана – хозяина лесов.

– Тот, у кого кто-то умер. Или... – молодой дэймос сделал паузу, осознавая, свидетелем чего именно он стал только что. – Или умрет. Скоро. С твоей помощью.

Танатос кивнул, довольный сообразительностью ученика.

– Может, умрет, а может, и нет. Эту даму я не знаю. От кого пришла, не говорит. Ни к чему мне это.

Он помолчал и хмуро буркнул себе под нос:

– Как с цепи сорвались...

Феликс молча поднял на него взгляд. И дождался пояснения:

– Таких, как мы с тобой, мастера снов начали последнее время отлавливать. И успешно. Чуть кто оступится. ...Рисковать не стану.

– Разумно, – согласился Феликс. – А предположения, кто ее послал к тебе, есть?

– Есть, – нехотя ответил тот, явно не желая вдаваться в подробности, а потом заявил без перехода: – Поедешь в Бэйцзин к концу следующего сезона.

– Один? – невозмутимо уточнил его ученик, давно привыкший к внезапным решениям наставника.

– С командой. Из лука стреляешь?

– Понятия не имею, – рассмеялся Феликс, в прошлом которого до сих пор зияли пропуски размером с провал Аида.

– Буду учить.

– И зачем мне ехать в Бэйцзин?

– Дело у меня там, – неопределенно заявил Нестор, нагиная ниже на лоб замызганный светлый берет с коротким козырьком.

– Связанное с моим делом?

Наставник проворчал нечто невнятно-утвердительное.

– Придешь вот по этому адресу, – Нестор накарябал на клочке бумаги буквы и дал ученику прочитать. – Спросишь про человека... – Он снова черкнул имя, не произнося вслух.

Феликс повторил его беззвучно и нахмурился:

– Что-то знакомое. Кажется я слышал... но не помню по какому поводу. Где ты его взял?

– У тебя в голове, – усмехнулся старый танатос и для наглядности указал пальцем в лоб воспитанника.

– И кто это?

– Вот ты и узнаешь. Кто это и как связан с нашим «клиентом».

«Клиентами» Нестор называл дэймосов, с которыми собирался вступить в жесткий, убийственный конфликт. Убийственный без всяких переносных смыслов.

Глядя, как учитель сминает обрывок бумаги, чтобы сжечь в печи, Феликс подумал, что вполне возможно это путешествие разгонит многие тени из его прошлого.

– У меня есть тут один в администрации местной, – сказал Нестор. – Я ему рамы делал. Он тебя в команду запишет. От нашего района, как лучшего стрелка.

– Я так смотрю, у тебя везде друзья.

– Кому друзья, а кому и прислужники.

Феликс помнил беготню с оформлением его якобы утерянных документов. И помощь еще одного «друга» свое-

го учителя. Кажется, старый дэймос сооружал ему двери, или перила на лестницу. И как понимал ученик старого танатоса, без воздействия через сон здесь тоже не обошлось. Минимального, однако весьма действенного. Зато теперь безродный молодой танатос стал Феликсом Агеросом, официальным внуком Нестора Агероса. Про его настоящую семью, по-прежнему, не было известно ничего. Наставник упорно демонстрировал избирательную глухоту, игнорируя темы, которые не желал обсуждать.

Все последующие недели Феликс был занят тем, что, по точному выражению учителя, «дырявил мишень». Лист фанеры с криво нарисованными кругами был приколот к стене сарая, и будущий чемпион-стрелок упражнялся в меткости. Получалось не то что бы великолепно, но терпимо.

– Ну, не за медалью едешь, – сделал вывод Нестор, рассматривая широкий разброс попаданий, вернее не попаданий в цель.

– Зато с другим делом точно не промахнусь, – уверенно заявил Феликс, вновь поднимая лук.

В мире сновидений шли другие тренировки. Гораздо более серьезные. И разрабатывался план. После них раскалывалась голова при пробуждении, и во время умывания из зеркала на старательного ученика смотрело помятое, осунувшееся лицо. Желтые глаза с красными прожилками, про-

ступившими на белках, выглядели слегка безумными. Кудрявые волосы, примятые подушкой, стали похожи на каштановый войлок. Но стратегия становилась все более ясной и четкой, а сила танатоса возрастала в нем.

– Не боишься? – спросил Нестор воспитанника утром дня икс.

Феликс лишь презрительно дернул плечом. После позорного плена и перспективы не менее позорной смерти теперь говорить о страхе было смешно.

– Не лезь вперед, – напутствовал учитель, провожая его за забор. – Не умничай и поглядывай по сторонам. Буду присматривать.

Молодой дэймос прекрасно знал, что означает обещание танатоса «присматривать». И оно имело мало общего со стремлением защитить или помочь.

Они вышли за калитку. От реки повеяло прохладой, легкий ветер поднял пыль на дороге, зашумели листьями березы вдалеке.

– Ну... – сказал Нестор, явно испытывая некоторую неловкость и замешательство.

– Я все помню, – ответил Феликс, – и я вернусь.

– Ладно, увидим, – старый дэймос крепко обнял ученика и тут же оттолкнул. – Давай, иди. Опоздаешь!

Тот кивнул, закинул на плечо спортивную сумку и направился в сторону аллеи. Быстро, не оглядываясь.

Он уже ходил здесь не раз, но отчего-то вспомнилось дол-

гое, мучительное блуждание в зимнем сне, где стояли те же самые деревья, и прорезала сугробы эта же дорога. Возвращение по заколдованному кругу к убежищу дэймоса. Обжигающий мороз и бесконечный тупик. Придуманные воспоминания, которыми Нестор постарался прикрыть его истинную жизнь.

Феликс лишь покачал головой, памятуя о своей былой наивности. Больше он не позволит никому распоряжаться собой.

До центрального Полиса он добирался на обычном поезде. Старом, грохочущем колесами по рельсам, и пронзительно-тревожно гудящем на ночных полустанках. Гиперпетлю еще не довели до их городка.

Молодой дэймос полночи лежал на своей верхней полке, глядя на полосы света, проносящиеся по потолку вагона, и до мелочей оттачивая план. Старался предугадать все возможные трудности и тут же найти пути их решения.

Летний ветер врывается в наполовину опущенное окно и приносит запах леса и цветущего синего облака диких люпинов. Звякала ложка, забытая в стакане, вздыхали и храпели во сне беспечные пассажиры. Потенциальные жертвы... не его, так кого-то другого...

Феликса ждали. Сине-белый автобус стоял у станции, а возле него прогуливался, поглядывая на часы, мужчина средних лет. Явно тренер, сопровождающий команду стрел-

ков. Уже издали дэймос начал оценивать его, пытаясь примерно прикинуть, чего ожидать от этой поездки.

Высокий, крепкий, широкоплечий. Ну, спортсмен, понятно. Движения не суетливо-нервные, хотя ученик Нестора заставил себя ждать дольше отпущенного на опоздание времени. Значит, обладает выдержкой. Одежда простая и удобная – штормовые штаны, трекинговая ветровка, кроссовки, не самые дешевые, и на первый взгляд никаких мелких предметов, которые можно позаимствовать. Темно-русые волосы коротко пострижены, загорелое лицо человека, много времени проводящего на улице... волевое, суровое, пожалуй слишком холодное и замкнутое для того, кто занимается с молодежью и подростками.

Первое чему учил Нестор – определять сновидящего, не входя в сон, по мелким отличительным признакам, чтобы не нарваться на охотника. Да и встречи с другим дэймосом, тем более сильным, лучше избегать. И сейчас, быстро приближаясь к автобусу, ученик старого танатоса напряженно изучал своего спутника. Потому что предполагал, что Полис, скорее всего, отправит с молодыми людьми достаточно опытного сопровождающего. Ну, или есть шанс, что отправит.

Увидев новичка, тот выпрямился, расправляя плечи и слегка вскидывая подбородок – жест авторитетного подчинения.

– Феликс Агерос? – спросил он низким, богато окрашен-

НЫМ ГОЛОСОМ.

– Да, – вежливо ответил тот, подумав, что с таким тембром надо в опере петь, а не команды на стрельбище отдавать. – А вы Леон Клетис? Сопровождающий тренер сборной Полиса по стрельбе из лука? Извините за опоздание.

– Это последнее, – жестко сказал мужчина. – Еще раз удержишь команду, оставлю там, где провозился.

– Даже в Бэйцзине? – улыбнулся Феликс, незаметно осматривая его одежду. Пуговицы все же были – на карманах штанов и верхнем клапане ветровки.

– Даже в Бэйцзине, – повторил тот внушительно и подтолкнул юношу в автобус.

– Это всех касается, – провозгласил он, поднимаясь по ступенькам в салон, и веселый гвалт, смешки и выкрики тут же стихли. – Каждый, кто будет нарушать правила и подводить своих товарищей, отправится домой пешком.

Феликс, шагающий по узкому проходу между кресел, быстро оценивал этих самых товарищей. Все они серьезно слушали наставника, но успевали окинуть взглядом новичка. Три парня и четыре девушки. Молодая женщина... вполне возможно врач, еще один мужчина, судя по комплекции – массажист.

Танатос забросил сумку на полку для вещей, сел на свободное место рядом с девчонкой, устроившейся у окна. Мельком взглянув на нее, он тут же сделал вывод: «нечто среднее». Причем во всех смыслах. Ничего особенного

во внешности, прямые светло-русые волосы до лопаток, рост тоже наверняка не высокий и не низкий. Да и стреляет, скорее всего, средненько.

Она же с любопытством уставилась на него и спросила:

– Агерос?

– Нет, – ответил он, усмехаясь. – Аполлон Мусагет. Солнечный лучник. Неужели не узнала?

Девушка слегка улыбнулась, рассматривая его серо-зелеными, внимательными глазами.

– Надеюсь, ты попадаешь в мишень также метко, как остришь.

– Мия, Феликс! – тут же прозвучал прицельный окрик. – Не отвлекаемся.

Дальше новый член команды, как и все, терпеливо вникал в информацию о подробностях маршрута, времени прибытия, расписании каждого дня... Автобус давно выехал на центральное шоссе. За окнами быстро промелькнули высотные дома с зеркальными фасадами, потом район одноэтажных вилл, затем домики с одинаковыми терракотовыми двускатными крышами – и потянулись хвойные леса, а тренер все еще говорил. Обстоятельно и неторопливо. Сначала поездка до Гиперпетли, которая займет всего час сорок пять минут, затем переброска до Бэйцзина, потом еще несколько часов на местном транспорте до района, где будут проходить соревнования...

Дэймос слушал, примерно уже зная в каком месте и когда

можно «потеряться», «заблудиться», «провести свободное время» или «поехать навестить друзей». С деталями он разберется по ходу дела. Не зря столько времени провел за изучением карты юго-восточного конгломерата.

Когда сопровождающий замолчал, парень, сидящий через проход, поймал взгляд Феликса и протянул руку, представляясь:

– Хорт. Ты из Эстума?

– Феликс, – молодой танатос ответил на крепкое рукопожатие и подтвердил: – Да. Из Эстума. Бывал там?

– Я! – тут же влез в беседу лучник, сидящий сзади. – Я был. В прошлом году на сборах. Но тебя не помню.

– Я недавно начал, – уклончиво отозвался Феликс.

– И добился больших успехов, похоже, – вмешалась Мия не без иронии. – Раз тебя включили в сборную.

– Да ты сама всего полтора года как в команде, – сказал Хорт. – Может, он тоже виртуоз!

Между ними тут же завязалась дружеская беседа, в которой дэймос почти не принимал участия. Иногда вставлял слово-другое и замолкал. Эти люди были удобны ему как спутники, удачное прикрытие, но не более того. Единственное, что напрягало слегка – внимательный, исключительно въедливый взгляд Мии. Казалось, она видит гораздо больше, чем должна, и понимает совсем не то, что ей положено. Но на это можно было постараться не обращать внимания.

Бэйцзин встретил команду из Полиса проливным дождем. Горы были затянуты низкими растрепанными облаками. И сосны – изогнутые, изломанные ветром, какими их обычно изображали на гравюрах – тонули в серой тревожной хмари. По улицам текли бурлящие потоки воды. Ветер выдирал из рук прохожих разноцветные зонты, выгибая спицы.

Вереница машин медленно ползла по шоссе, непрерывно гудя. В запотевших стеклах отражались размытые габаритные огни. Автобус то и дело застревал в пробках.

Феликс, протерев окно рукавом, различал знакомые места. Внезапно знакомые. Мост через Юнхэ, гигантская строящаяся эстакада с одного склона горы до другого... Первое впечатление было: они попали в страну исполинов. Титанов. Железнодорожные пути на трехсотметровой высоте, понтоны, вбитые в русла горных рек, целые районы новых застроек, бетонные короба небоскребов, пока еще пустых, леса кранов, километры заводов, окутанных плотными облаками выбросов, пламя над трубами – тут непрерывно горели побочные продукты распада.

Мия нажала на кнопку стеклоподъемника, но спустя минуту опустила его обратно. В лицо ударил холодный ветер, наполненный дождем, одновременно едким и горьким. Выхлопные газы машин смешивались с водяной пылью.

Промзона закончилась внезапно. Только что грохотали погрузчики, перетаскивающие контейнеры к цехам, и вот

уже за окнами появились жилые районы.

Главными цветами города были серый и красный. Серый бетон стен, дорог, пыль на стволах деревьев и – красные крыши с загнутыми коньками, а еще алые флаги, беспокойно бьющиеся на ветру.

– Интересно, почему они всегда делают такую кровлю? – ни к кому не обращаясь поинтересовался стрелок, сидящий впереди. Он смотрел на проплывающие мимо невысокие здания, и в окне отражалась его сосредоточенная физиономия. – Черепица похожа на чешую.

– Это драконы, – сказал Феликс с невольной улыбкой. – Спящие драконы.

– Драконы?.. – лучник, который бывал в городке Феликса, облокотился о сидение дэймоса сзади.

– Да. Те самые, что основали их цивилизацию, – Феликс взглянул на храм, мелькнувший между двух жилых домов.

Судя по облупившейся красной краске на столбах ворот и потрескавшейся штукатурке стен, местные жители не особенно следили за сохранностью памятников древней культуры. Или этот был в стороне от туристической трассы?

– Они прилетели из своего мира и создали людей. Научили их ремеслам и наукам, а затем вернулись обратно в прекрасные волшебные земли. Но иногда драконов можно увидеть среди облаков. – Он поднял голову, и Мия рядом с ним невольно посмотрела на небо, словно там действительно проносились удивительные крылатые существа. Но не увидела

никого, и лишь улыбнулась.

Автобус снова встал в пробке. Водитель принялся крутить настройку радио, чтобы скрасить ожидание. Поймав один из местных новостных каналов, переключил, ища музыку, но Феликс крикнул ему со своего места, чтобы вернул прежнюю волну. В салон полилась жизнерадостная, бойкая речь диктора. Дэймос внимательно вслушивался в гладкие мелодичные фразы, наполненные подлинным энтузиазмом.

– Ты понимаешь? – с искренним интересом спросил лучник, вновь повисая на спинке кресла танатоса. И Феликс ощутил любопытство и заинтересованность десятка спутников.

«Стройка века. Комплекс заводов по производству пластмассы, химикатов, удобрений... Массовое производство дешевых товаров. Экспорт по всему миру...» – ловил он краткие фразы.

– Так ты понимаешь? Где учил язык?

– Нет, не понимаю. ...Но звучат красиво, – произнес Феликс вслух, а про себя подумал: «Здесь и учил. ...Я родился в Бэйцзине».

Его спросили еще о чем-то, но он отрицательно покачал головой, размышляя напряженно. Культурная революция... Малозатратное производство... Есть над чем поразмыслить. И молодой танатос погрузился в себя, больше не отвечая на вопросы.

До места они добрались уже поздним вечером. Вымотанные и голодные. А Феликс, обнаруживший, что ко всему прочему не может спать нормально – злой как десяток керберов. Сон не приходил к нему, дэймос как будто плавал под поверхностью мутного пруда, и далеко внизу, в тине, лениво ворочались зеленые сомы его усталых мыслей.

Лучники разбирали свои вещи, помогали соседям и проталкивались к выходу.

Колючий шар боли свободно катался в голове Феликса, накалявая на острые шипы глаза, лоб изнутри, распирает виски. И он видел лишь размытые полосы огней за стеклом, черные провалы узких переулков...

Их высадили на ничем не примечательной улице, и чтобы пробраться ко входу в гостиницу пришлось поплутать по дворам.

В холодном воздухе притаились крепкие запахи. Дурманящий жасмин сменился горьким маслом, сырость рыбы сплелась со свежей тиной, сочная плесень отползла в сторону, заглушенная острыми жареными креветками.

Грохотала музыка, смеялись люди, и где-то вдали влажно шептала река, шлепая ленивыми волнами о причал. Мелькнули деревянные ворота, белая стена – на ней рисунок черным, дерево в кадке, красные ленты и фонарики на фасаде. Алый цвет впился в мозг яростным огнем, и Феликс опустил опаленные веки, проходя последние метры практически на ощупь.

В полутемном холле тренер команды (как оказалось, переводчик по совместительству) негромко побеседовал с владелицей и, отдав последние распоряжения, стал подниматься наверх по лестнице, волоча за собой огромный чемодан, который цеплялся на поворотах каждой ступеньки. Танатос поплелся за ним, чувствуя, как шаги отдаются в голове ударами тяжелого молота.

В маленькой комнате стояли две узкие кровати. На светлой стене изгибался серый дракон и, несмотря на то, что у него были нарисованы оба зрачка², улетать он не собирался.

Феликс, не раздеваясь и не снимая обуви, рухнул на кровать, вытащил из кармана плоскую коробочку, достал два белых шарика и проглотил, не чувствуя вкуса. Легче не становилось, но появилась хотя бы надежда на облегчение.

– Голова болит? – сочувственно спросил его все тот же неугомонный лучник – теперь сосед по номеру на время пребывания в Бэйцзине. – У меня есть хорошие таблетки, хочешь дам? Или сладкого чаю – выпьешь? Мне помогает...

Дэймос пробормотал нечто неразборчивое, а потом, прежде чем непрошенный помощник помчался за чаем, вытащил из второго кармана брелок, снятый, пока тот вис на его сидении. И закрыл глаза.

---

² В традиции Бэйцзина считается, если дорисовать дракону зрачок на рисунке или гравюре – картина настоящего мастера станет настолько совершенна, что дракон обретет взгляд, оживет и тут же улетит... Поэтому художник оставляет крошечный штрих, не дающий его работе полного окончания.

Воздействие было легким, едва уловимым.

Но когда танатос очнулся, его сосед уже мирно посапывал в своей постели.

«Всего лишь устал после долгого переезда. Захотел отдохнуть», – насмешливо подумал Феликс и поднялся со своей кровати.

Он бесшумно вышел из номера, прикрыв за собой дверь, спустился по лестнице и, мимо пустой стойки администратора гостиницы, выскользнул на улицу.

Шквал смутно знакомых запахов обрушился на него. Все они будоражили и вызвали желание целиком погрузиться в этот город, что Феликс и сделал, помня дорогу до нужного места наизусть.

Над Бэйцзином ползли тяжелые, низкие, серые тучи, готовые пролиться холодным дождем.

Город окутывала легкая дымка смога. Глаза немного пощипывало, словно от долгой бессонницы. В воздухе будто плавала мелкая пыль. Привычное ощущение.

Выброс с заводов. Тех самых, о которых говорил диктор. Заточенных на дешевое производство и не обремененных дорогостоящими и сложными очистными сооружениями. Но это ерунда, снесет ветром в океан рано или поздно. А вот заражение почвы и земли гораздо серьезнее.

Феликс вспомнил, что отец... настоящий отец, а не тот, придуманный Нестором благополучный житель Полиса, по-

стоянно говорил об этом на своих университетских собраниях. И даже печатал статьи о загрязнении окружающей среды, о грядущей экологической катастрофе, об ответственности перед потомками. Надо ли говорить, что работы он лишился быстро. Сначала работы, а потом и... всего остального.

Дома отступили, вдоль дороги потянулась высокая решетка парка. За ней ярко светились круглые фонари.

Когда показались широко распахнутые ворота, Феликс направился к ним, решив сократить дорогу.

Воздух здесь был гораздо чище. Высокие деревья, переплетаясь кронами над головой, бросали глубокие тени на дорожки, проложенные под ними прямыми стрелами. Те уводили в разные стороны. К череде озер, соединенных изогнутыми мостиками. Пруды, над которым покачивались жесткие темно-зеленые листья лотосов. Храму с «драконьей» крышей. Садам, где цвели поздние астры...

Дэймос шел, жадно вдыхая, с удовольствием смотрел по сторонам.

Задержал взгляд на компании парней, играющих на открытой площадке под деревьями. Они перекидывали друг другу волан с перьями, касаясь его только коленями и боковой поверхностью стопы. Были заняты игрой, поэтому не обратили на одинокого позднего прохожего внимания. Феликс помнил, что и сам часто после школы... или вместо школы проводил время именно так.

В длинных крытых галереях, ведущих к храму, сидели

группы немолодых бэйцзинцев. Разбившись по пять-шесть человек, под музыку дешевых радио-проигрывателей, они увлеченно играли в шашки. Бодрые марши сменялись мелодичным женским пением, и снова заглушались маршами. Удары костяных фишек по доскам сопровождались довольным смехом и радостными возгласами.

У выхода из парка старик в канареечно-желтом спортивном костюме занимался гимнастикой. Его движения были плавными и текучими как вода. Но можно было не сомневаться, что один удар сухой и жесткой ладони с выступающими венами может переломить доску... или сломать чью-нибудь шею. Феликсу доводилось наблюдать подобное.

Среди высоких идентичных бетонных домов он свернул – и оказался на узкой улочке, плотно застроенной лавками и магазинчиками, чайными и ресторанами. Над головой закачались алые бумажные фонарики, прилавки манили десятком разновидностей спелых манго, грудями кокосовых орехов и маленькими красными помидорами, продаваемыми как деликатес. Тут же стояли поделки из дерева и металла. Бумажные веера, напоминающие разноцветных бабочек, колыхались на ветру и шелестели. В широких железных чашах с треском раскалывались жареные каштаны.

Людей было много. Они двигались, словно в медлительном речном потоке: останавливаясь возле чайных магазинов, плавно обтекая лотки с фруктами и прилавки, где в скудном электрическом освещении щетинились деревянные шпажки

с нанизанными печеными тараканами и скорпионами.

Феликс открыл дверь магазинчика, ничем не выделяющегося из ряда таких же заведений, вежливо улыбнулся продавцу, поднявшему голову на звяканье дверного колокольчика, и учтиво поклонился, сказав по-бэйцзински:

– Я к госпоже Ли.

Внутри было тихо и пусто. На длинных полках из светлого дерева, занимающих все стены, стояли наполненные стеклянные колбы. Феликс узнал желтоватые корни женьшеня, слюдянисто-белые сушеные ласточкины гнезда, щупальца каракатиц... Здесь же торчали пучки трав и были насыпаны горсти цветочных лепестков. В центре помещения на столе возлежал гриб чага, потрясающий своими размерами.

Юноша прошел магазин насквозь, мельком заглянул за ширму в глубине: там на грязноватой кушетке сидел мужчина голый до пояса, в его плечи и спину были воткнуты длинные иглы. Пожилой бэйцзинец с непроницаемым лицом вгонял в поясницу посетителю еще один тонкий шип.

Феликс толкнул неплотно притворенную дверь черного хода, попал в узкий темный коридор. В конце его виднелась еще одна створка.

Танатос распахнул ее и шагнул в просторную гостиную, заставленную потертыми креслами, диванами из красного плюша и низкими столиками. Бордовые занавеси с золотыми кистями драпировали стены. Запах духов, благовоний и пыльной ткани щекотал ноздри.

Дэймос неспешно натянул перчатки, выполняя неизменный ритуал всех темных сновидящих. И тут же деревянная панель, замаскированная длинными бамбуковыми висюльками, открылась.

Навстречу вышла немолодая ярко покрашенная женщина, одетая экстравагантно до вульгарности. Лиловое переливающееся платье обтягивало ее мощные бедра и плечи, алая шаль с длинной бахромой тщетно пыталась прикрыть монументальную грудь, красные кожаные туфли на высоком каблуке плотно обхватывали тяжелые ступни, пышные волосы, покрашенные в малиновый цвет, клубились вокруг полного лица огненными локонами.

– У меня послание, – произнес Феликс чрезвычайно вежливо. – И просьба.

Хозяйка салона свиданий, как оценил для себя это место дэймос, окинула его внимательным взглядом, который задержался на перчатках молодого посетителя.

– Так послание или просьба...? – произнесла она низким грудным голосом на чистейшем койне.

Феликс не показывал удивления. Хотя рассчитывал увидеть кого-нибудь другого, более солидного.

– Послание с просьбой.

Он вынул из кармана куртки ключ с деревянным брелком и показал женщине. Та взглянула на весьма выразительную фигурку, подвешенную на цепочке, сначала мельком, потом подняла старомодный лорнет, поднесла к глазам и осмотрела

«послание» более внимательно.

Затем спросила дрогнувшим голосом:

– Ты его ученик?

– Да, – ответил Феликс.

– Он никогда не брал учеников. – Ее лицо с решительными складками у губ потеряло на мгновение всю свою жесткость, в глазах мелькнула растерянность.

– Я особенный, – многозначительно улыбнулся юноша, вновь убирая брелок, выточенный в виде миниатюрного гроба, в карман.

– Чего он... ты хочешь?

– Адрес. Человека по имени Чжен Вэй.

– О, это известный человек! – улыбнулась она недобро. – Очень известный.

Феликс понимающе усмехнулся, правильно расшифровав ее двусмысленную интонацию:

– Известный... в плохом смысле?

– В плохом для него, – подтвердила она и поджала губы, отчего они сузились в яркую тонкую полоску.

Дэймосу стало ясно, что больше ему ничего не скажут.

– Адрес, – напомнил он.

Женщина поразмыслила, затем кивнула:

– Хорошо. Подожди минуту.

Она развернулась и величественно удалилась, прогремев занавесью у перегородки. Феликс не боялся неожиданностей. Знал, что навредить ему хозяйка салона не сможет.

У Нестора была ее вещь. И, судя по реакции на безобидную безделушку, ей очень не хотелось, чтобы старый танатос обратил на нее свое пристальное внимание.

Собеседница, действительно, отсутствовала одну минуту, не больше. И вернулась, держа конверт. Положила на край стола, аккуратно, двумя пальцами, придвинув в сторону Феликса.

– Открой, – велел тот, не прикасаясь. И она была вынуждена подчиниться. На деревянную столешницу лег листок бумаги.

Ученик Нестора пробежал взглядом по столбцам бэйцзинского письма. Человек, которого он искал, жил в Фейхуане, городе Феникса... весьма символично.

– Благодарю, – Феликс выпрямился, посмотрел на женщину. Затем перевел взгляд на бордовые драпировки, и снова взглянул на нее: – Не боишься, что хунвэйбины разгромят твоё гнездо порока?

– Им тоже нужно отдыхать иногда, – ответила она сухо, явно не желая обсуждать эту тему с чужаком. Тем более чужаком опасным. – А у меня солидное заведение.

– Такие заведения могут сильно навредить тем, кто в них ходит.

В ее взгляде Феликс отчетливо прочитал досаду... а еще она не могла понять, для чего он задает вопросы и говорит все эти фразы.

– Не думаю, что кому-то могут навредить несуществую-

щие вещи. Они есть. Но их как бы нет. И люди в них – вроде есть, но их нет тоже. В любой момент они могут и действительно, – она помолчала, словно пробуя это слово на вкус губами, – физически... исчезнуть.

Значит, работа здесь продолжается вплоть до физического уничтожения... понял Феликс. Запоминая для себя, но никак не комментируя эту информацию.

– Надеюсь, мое посещение продолжит оставаться такой же несуществующей вещью. Для всех, кого оно могло бы заинтересовать.

Она отступила на шаг.

Кивнув ей на прощание, дэймос вышел, почти физически ощутив, как рада она избавиться от его присутствия.

Глава 2

...город Феникса

...Город Феникса потрясал воображение. Бэйцзинская Венис – жемчужина на воде – сиял золотыми огнями, переливался черным перламутром реки, закованной в две каменные набережные, над которыми возвышались деревянные дома.

Почерневшая от времени древесина их стен сразу наводила на мысль, что они простояли тут не одну сотню лет. Хаотичное нагромождение строений, уводя вглубь от реки перепутанными ущельями переулков, мощеных крупными неровными пластами каменных срезов с гор Наньхуа – подтверждало догадку. Это делало атмосферу здесь особой, словно прошлое никогда не сталкивалось с настоящим: и плавным течением реки хранило время великой династии, усилиями которой этот город был рожден.

Со всеми ее знаниями и тайнами...

Хотя перевалило за полночь, то тут то там вдруг прорывался грохот музыки бесконечного числа клубов. Над крышами с треском взлетали разноцветные салюты.

Фейхуан жил по своим законам.

Отличным от остального – сдержанного и строгого, безостановочно работающего – Бэйцзина.

Здесь в любое время суток можно увидеть толпы туристов из разных областей страны бродящими вдоль старинных улочек. Они взбираются по высоким ступеням к летнему дворцу императора. Или переходят вброд широкую реку: прыгая с камня на камень, поставленных словно костяшки маджонга, и опасно балансируя в центре течения, чтобы сфотографироваться. У многих были только двадцать четыре часа на отдых в этом городе. А затем следовало вернуться к своей работе. И никто не собирался терять это время зря. Впрочем, у Феликса имелась лишь ночь. И пока она не закончилась – ему следовало поторопиться.

Дэймос быстро шагал по влажным каменным мостовым запутанных проулков, порой откровенно похожих на щели между высокими фундаментами построек: взбегал вверх или спускался вниз по неровным черным выступам, иногда касаясь цоколей домов обоими плечами, так близко вплотную те стояли друг к другу.

Он определял верную дорогу по карте в своей голове. Туристический проспект, который ему повезло получить вместе с билетом на ночной рейс до Фейхуана, юноша изучил в автобусе, а затем порвал на мелкие кусочки и выкинул в окно.

Над крышами светилась пагода, стоящая у самой воды. Та, что должна была стать его ориентиром. Издали она напоминала горную ель, свободно раскинувшую ветви, вблизи выглядела жалко. Штукатурка потрескалась, вход зарос травой.

Проходя мимо, Феликс почувствовал острое сожаление.

Драконы, хранившие этот город и эту землю, улетели бесследно. Оставив после себя роскошные пустые дворцы и дичающие сады.

...Наконец, он добрался до деревянного строения, которое искал. С окнами, выходящими на реку.

Вошел в подъезд. И здесь стены тоже хмуρο надвинулись на него, грозя придавить. Ноздри дэймоса втянули запах сырой рыбы и жареной лапши. Феликс невольно сглотнул голодную слюну, пытаясь вспомнить, когда ел последний раз, но велел себе не отвлекаться.

Поднимаясь по узкой лестнице, считал пролеты. На втором свернул в коридор, остановился у ближайшей двери.

Постучал.

Открыли не сразу. С той стороны слышался приглушенный шум, надсадный кашель, шарканье, невнятное бормотание и только после этого загрохотал замок. Деревянная створка распахнулась. На пороге стоял мужчина. Высокий для бэйцинца. Худой, изможденный, под узкими темными глазами глубокие тени, в черных жестких волосах пряди седины. Одежда: мятая рубашка, когда-то белая, черные брюки с пузырями на коленях – создавалось впечатление, что в них спали много ночей подряд.

Увидев Феликса, человек невольно отшатнулся, ухватился за косяк. Дэймос заметил, что его мизинец обмотан тол-

стым слоем бинта, грязного и разлохмаченного по краю.

Ученик Нестора стремительно шагнул вперед и произнес успокаивающе мягким, обволакивающим голосом:

– Господин Чжен, простите, что побеспокоил и пришел без приглашения. Я просто хотел поговорить с вами. О вашей работе.

Мужчина как будто успокоился. В его глазах мелькнуло удивление, а затем обреченное понимание.

Он молча отступил, пропуская позднего гостя внутрь.

Феликсу показалось, что он уже видел этого человека. ... Вот только где?

Мутная лампочка в красном абажуре давала очень мало света, но можно было разглядеть крошечную комнату. Здесь поместился обшарпанный стол у стены с гравюрой: река и горы – на бумаге виднелись следы грязных пальцев, один край надорван. Узкая кровать, покрытая засаленным темно-бордовым синтетическим одеялом. За рваной серо-зеленой занавеской приткнулись электрическая плита с двумя проржавевшими кругами и полка с посудой. В раковине мерно капала вода из подтекающего крана. На деревянном полу скопился слой грязи.

Запах сырости и древесной гнили сочился из всех углов. А еще было очень холодно, через открытое окно осенний стылый ветер свободно гулял по убогому жилью. Вместе с ним сюда также свободно долетал шум дискотек с того берега.

Дэймос, зайдя в комнату, окинул ее быстрым взглядом и остался стоять у кухонного угла, не делая попытки занять ни кровать, ни единственный стул.

Чжен произнес низким, хрипловатым голосом:

– Вас тоже интересует моя книга?

Феликс понятия не имел, о какой книге идет речь, но заметил это «тоже», прозвучавшее в вопросе.

– Может быть, прикрою окно, – предложил он неожиданно для хозяина убогого жилища.

– Нет! – резко ответил мужчина и потянул себя за воротник грязной рубашки. – Душно. Когда закрыто – задыхаюсь.

Танатос невольно прищурился, наблюдая. Если ему жарко в таком холоде, значит с этим человеком что-то не так.

– Тогда просто опустим штору, – Феликс улыбнулся, произнеся с легким нажимом: – пожалуйста.

Когда он просил, возражать ему было невозможно. Зацепившись за стул по дороге, Чжен подошел к подоконнику, неловко дернул за шнурок, распуская бамбуковую занавеску, и отгородился от реки тонкой преградой из золотистой соломки.

Стало если не теплее, то уютнее и... безопаснее. Феликс понял, что ощущал, будто кто-то следит из темноты за каждым его движением.

– А теперь скажите, что вам нужно на самом деле. – Чжен тоже как будто расслабился. Его лицо с острыми скулами стало мягче, исчезла жесткая гримаса, кривящая губы.

«И все же, где я его видел?»

– Мне знакома тема, над которой вы работаете, – произнес Феликс серьезно в полете полнейшей импровизации. – Я хотел поделиться информацией.

– Если бы вы пришли на несколько месяцев раньше... – Писатель криво улыбнулся, шагнул к столу, выдвинул рассохшийся, скрипучий ящик, пошарил в нем, достал пачку сигарет. Ему было трудно закуривать, рука с травмированным мизинцем слушалась плохо.

Не снимая перчаток, дэймос забрал у него дешевую пластиковую зажигалку, крутанул колесико, высекая язычок пламени. Чжен наклонился над огоньком, осветившем его лицо с резкими чертами, и Феликс понял, что тот гораздо старше, чем ему показалось сначала.

И танатос, наконец, узнал его.

Фотография из далекого прошлого. На стене в кабинете, над фальшивым камином, где стоят нефритовые шахматы с застывшей партией. Мат в три хода... Ферзь белых, готовый поразить короля черных, но ему так и не будет суждено сдвинуться со своей клетки.

Отец, высокий, с зачесанными назад каштановыми волосами, в строгом костюме, темно-графитный цвет которого разбавлен ярким галстуком и блеском дорогого пера в нагрудном кармане, пожимает руку молодому человеку. Тот слегка склоняется во время этого рукопожатия в почтительном бэйцзинском поклоне и в то же время улыбается в объ-

ектив, искренне и открыто.

На заднем фоне здание университета с белыми, уходящими в небо колоннами Полиса и цветущими вокруг вишнями Бэйцзина.

Вот этот человек с фотографии, постаревший на десяток лет, стоял сейчас рядом с Феликсом. Неожданное открытие. Которое объясняло хотя бы то, почему Нестор нашел сведения о Чжене в подсознании ученика.

Писатель выпрямился, резко кивнул, благодаря за помощь, выпустил облако дыма в сторону окна, и сизый ручеек потек на улицу сквозь тонкие щелки между палочками бамбука.

– И что бы случилось, если бы я пришел раньше? – дэймос покрутил зажигалку в пальцах и как будто по рассеянности опустил себе в карман.

Он нигде не оставлял вещи, к которым прикасался, и не упускал случая прихватить чужие.

– Пригласил бы вас в местный ресторан, есть тут недалеко одно прекрасное место. – Чжен стряхнул пепел на пол. – Угостил бай-дзиу³. И мы бы побеседовали.

– Что случилось? Кто-то преследует вас? Может быть, присылает письма с угрозами?

– Странно, что вы спросили... – произнес Чжен задумчиво. – Я ни с кем это не обсуждал, но вы удивительным образом вызываете доверие...

---

³ рисовая водка.

Феликс усмехнулся невольно.

– Я выложил в сеть первые главы своей книги и сразу получил ответ. Обвинение во лжи. – Бэйцзинец снова нервно затянулся. – Требование немедленно прекратить пятнать имена героев, убрать порочащие сведения, а еще лучше обратиться к другой теме. И если я не сделаю этого, могу лишиться сначала рук, строчащих лживые слова, а затем и головы, в которой они возникают.

– Весьма поэтично, – произнес Феликс, наблюдая как ночь, скрытая за бамбуковой шторкой, жадно вытягивает из комнаты тонкие струи дыма.

Чжен снова поднял руку с сигаретой, зажатой между указательным и средним пальцем. Забинтованный мизинец был гораздо короче, чем полагалось.

– Что у вас с рукой?

– Случайность, – небрежно отмахнулся Чжен. – Слишком острый нож. Соскользнул, и я лишился фаланги.

– Не поехали к врачу? – продолжал допытываться Феликс.

– Я же говорю, это пустяк, – резко оборвал его вопросы писатель.

Феликс не стал настаивать. Возможно, Чжен не запомнил, что случилось, вернее – его воспоминания безжалостно стерли.

А возможно, напротив, хотел бы – да не мог – позабыть, что произошло с его рукой.

Ученику Нестора была знакома эта практика дэймосов.

Он сам видел пару коробок с отрезанными частями тел в тайниках учителя. Полный контроль над жертвой с помощью подобных трофеев.

И по всем признакам, Чжен был на крепком крючке.

Нарушена система терморегуляции. Ему жарко, хотя в комнате реальный холод. Он перестал следить за собой – первый шаг к затяжной депрессии. Окно не занавешено – сам того не понимая, он дает возможность постоянно наблюдать за собой.

– Вы убрали книгу из Сети?

– Убрал. Но что-то подсказывает, в этом уже нет смысла. – Тот протянул Феликсу смятую пачку.

Юноша взял сигарету, но не закурил, хотя очень хотелось, просто поджег ее и держал в пальцах, затянутых тонкой тканью перчатки, время от времени стряхивая столбики пепла на пол.

– Не думали уехать? – спросил дэймос.

– Полагаете, от них можно бежать? – глухо рассмеялся Чжен. – Я сомневаюсь.

– А вы не пытались?

– Нет, – он тяжело опустился на кровать, закрипевшую под его весом. – Никакого смысла. Мне намекнули, что они везде. И всегда найдут, куда бы я ни шел.

– Я могу почитать вашу книгу? – Феликс ногой выдвинул табурет из-под стола, сел напротив писателя.

– Зачем вам? – с прежней усталостью спросил мужчина. –

Впрочем, читать нечего. Я уничтожил все материалы.

В комнате повисла пауза, наполненная посторонними звуками: скрипом полов в соседних квартирах, капаньем воды.

«Апатия», – думал Феликс, рассматривая собеседника. – «Подавленная воля. Ну, и физическая боль. Таким человеком легко управлять».

– Чжен, заварите чаю. И заодно расскажите, как вы работали с Икаром Стратосом.

Тот послушно поднялся. Шагнул к кухонному углу, отодвинул занавеску, за которой скрывалось несколько полок. Но затем замер и настороженно оглянулся на гостя.

– Работал, но... Это было какое-то время назад... Давно. И я не сохранил с ним никаких контактов.

Чжен порылся среди мисок и плошек, достал чайник из темной шершавой глины, такие же маленькие чашечки, поставленные одна в другую, каменную ступку и узкий стальной нож. В общем, все для заваривания пуэра. А вот и сам он – круглая спрессованная плашка зеленовато-черного цвета. От нее пахло землей и сухими корнями.

– Двадцатилетний Пуэр, – пояснил бэйцзинец. – Произведен в провинции Юньнань. Форма прессовки Бин Ча.

– И над чем вы работали вместе? – спросил Феликс, которого абсолютно не интересовали подробности чайной церемонии, но ему надо было отвлечь внимание человека на бытовые мелочи и слегка отцепить сознание от блоков.

Чжен включил маленький электрический чайник, та-

кой же замызганный, как и все в этой комнате. Отколол небольшой кусок пуэра ножом и начал растирать в ступке.

— Этот сорт двадцать лет выдерживался в земле, — пояснил он Феликсу. — Нужно смыть пыль и микроорганизмы, которые завелись в нем за это время.

— Ну да, — отозвался тот, и вновь вернул писателя к интересующей его теме: — Ваша работа была как-то связана с надвигающейся экологической катастрофой в Бэйцзине?

— Существует несколько способов приготовления Пуэра, — продолжал неторопливо, со вкусом рассказывать Чжен, как будто не слыша гостя. — Например, с предварительным прожариванием, которое обеспечивает необходимую дезинфекцию.

Голос писателя звучал мягко и плавно, журчаще, словно вода, бессмысленно переливающаяся из одного сосуда в другой. В иное время и в ином месте слушать его было бы даже занятно. Однако Феликс, внимательно наблюдающий за жертвой дэймоса, понимал, что расслабляться нельзя.

Чжен выключил чайник, плюющийся паром, скользнул взглядом по столу, его рука дернулась, и в тот же миг танатос резко уклонился в сторону. Мимо пролетел нож, предназначенный для разрезания лепешек Пуэра, и с гулким ударом воткнулся в стену.

Чжен оглянулся. Его лицо было отрешенным, неподвижным.

— В чайном каноне Ча Цзин, созданном во время династии

Тан, – произнес он умоляющим голосом, – первом в истории трактате об этом благородном напитке, чайный мудрец Лу Юй говорил...

– Чжен, – невозмутимо произнес Феликс поднимаясь. – Так что там со сроками накопления критической массы ядовитых отходов производства? Вы знаете, что произошло с Икаром? Вы знаете, что его убили?

– Лу Юй говорил... – повторил тот с упорством заведенной куклы, – что чай это символ гармонии и единства мироздания. Поэтому приготовление его очень важный и неторопливый процесс.

Феликс уже понял, что никаких других слов Чжен произнести не может. Даже если очень хотел дать ответы. Запрет на эту тему был в его подсознании.

Ударом ноги юный танатос толкнул ему навстречу стул. Чжен запнулся, падая. Феликс перепрыгнул через него, оказался возле плиты.

– В монастыре Лу Юй постиг мудрость и... – продолжал бормотать человек.

Что еще постиг мудрец, он не успел договорить. Дэймос с силой ударил писателя ребром ладони по склоненной шее.

Чжен упал, но вместо того чтобы остаться лежать на полу, схватил Феликса за ногу. Скрюченные пальцы впились в колено, и танатос сжал зубы от боли.

– Заваривать чай он советует, используя только стеклянную посуду и мягкую воду, не доводя ее до кипения, – дове-

рительно сообщил бэйцзинец.

Жертва дэймоса, похоже, была нашпигована блоками по всему подсознанию. И внутренние крюки буквально выворачивали его, придавая сил и не позволяя ослабить сопротивление.

Ученик Нестора размахнулся снова и ударил, на этот раз абсолютно точно поражая нервный центр. Чжен без звука рухнул на грязные доски.

Феликс выпрямился, перевел дыхание, окинул комнату быстрым взглядом, выдернул из стены нож, снял одну перчатку и, сжимая холодную рифленую рукоять в ладони, лег на кровать.

Закрыв глаза.

От грязной постели пахло влажной сыростью белья, невымытым потным телом и приторным одеколоном. Но все это было неважно.

К лицу прилипли тонкие летучие нити паутины. Скулы опалил сначала жар, потом холод. Слово-приказ погрузило дэймоса в иную реальность мгновенно. Звуки города за окном отдалились, смазались, растворились. Прошумел дождь... Мимо еще неслись размытые призраки чужого подсознания, похожие на размазанные пейзажи из окна скоростного поезда. А Феликс уже осознал себя. Кто он, где находится, и что ищет. А затем отступил, вплетая свое сознание в ткань сна. Превратился в дуновение ветра, тень от ветвей, вздох спящего.

Один из принципов выживания, который он открыл для себя – быть быстрее любого сновидящего, неуловимее самого Гипноса.

Юный танатос смотрел, впитывая новую информацию и стараясь как можно тщательнее запомнить её.

Все было ненастоящим. Нарисованным. Как будто кто-то наложил на мир фильтр «акварель» в программе графического редактора. Тонкие, пастельные тона, плавные линии. Небольшой городок, притаившийся в долине между двух горных отрогов, казался плоским и двухмерным. Вершины затянуло низкими тучами, грязные улицы охлестывали серые полотнища дождя. Одно- и двухэтажные домики с черными «волнистыми» скатами крыш жались друг к другу, словно пытались спрятаться от ливня под общими навесами.

Все это напоминало гравюру, висящую в квартире Чжена. Такие же черно-белые оттенки, размытые тени, рельефные облака.

Феликс находился между слоями сна. Вплетенный в его структуру, сам стал сновидением. Плавно перемещался, скользя из одной сферы в другую, или проносился стремительной тенью. Он не ощущал присутствие Нестора. И не должен был ощущать, но знал, что могущественный танатос следит за ним. Издали.

Видение городка сменилось индустриальным пейзажем с дымищими трубами, выбрасывающими в воздух тонны тя-

желых металлов, аммиака, углеводов...

Конечной точкой было здание в центре огромного комплекса заводов.

Верхний этаж, офис над гигантским цехом. Он выглядел безграничным, освещенный красными вспышками, искрами и белым электрическим светом. Иллюзия сна, или искаженные воспоминания Чжена?

Феликс уловил запах раскаленного металла и дождя, гул станков, который тут же рассеялся, вытесненный ровным стрекотом факса, выплевывающего страницы документов, густым ароматом дорогого парфюма и табака.

– Вы на редкость упорны, господин Икар, – прозвучал неподалеку незнакомый низкий голос, с заметным бэйцзинским акцентом.

Этот человек стоял у панорамного окна, спиной к посетителям, заложив руки за спину, и смотрел вниз. На тягучие струи раскаленного металла, льющегося из ковша в форму. На вращение тяжелого вала, из-под которого вылетали тонкие листы железа.

Внизу все должно было грохотать и надсадно шипеть. Однако здесь было почти тихо. Пятикамерный стеклопакет глушил звуки работающего цеха до почти приемлемых.

– Если не ошибаюсь, это уже третий ваш визит на мои предприятия?

Мужчина был одет в строгий костюм стального цвета. Воротник стойка и удлиненный пиджак напоминали покроем

военную форму Бэйцзина. Брюки, заутюженные до бритвенно-острых стрелок, начищенные черные ботинки. Так одевались чиновники высшего звена и военная верхушка. Преувеличенно скромно. И в то же время вызывающе, чтобы довести до окружающих простую мысль «богат настолько, что может позволить себе сдержанность».

– Вам хватило упорства добраться до меня. Это похвальное рвение.

Серые перчатки второй кожи обтягивали его кисти. В коротко стриженных волосах редкие проблески седины. Ни запонки, ни пуговицы пока не видно.

Феликс, не отрываясь, смотрел на него, хотя в офисе были еще объекты для наблюдения: два человека сидели у длинного стола. Но это позже.

Мельчайшие детали складывались в четкий, определенный образ.

Дэймос.

Первое впечатление оказалось правильным, потому что следом за ним пришло ощущение силы, такой же неукротимой, как жидкое пламя текущего металла, и неостановимой, как молот, падающий на стальную заготовку.

Крадущий сны.

– Меня не особо волнует, что вы хотите мне сказать, господин Икар, – продолжал говорить дэймос, не оборачиваясь, почти равнодушно. – Мой ответ – остановитесь. Вы не знаете, кому хотите помешать.

Феликс перевел взгляд на собеседника владельца заводов.

За столом в непринужденно-уверенной позе сидел мужчина лет сорока. Он не спешил вступать в беседу, внимательно слушая. Наблюдал, делал выводы, анализировал, судя по морщинке между темных бровей.

Ученик Нестора невольно переместился вперед. Ему показалось на миг, что он смотрит в свое собственное лицо, слегка измененное временем. Лишь глаза были серые, с заметно более широким разрезом, но на этом различия заканчивались. Нос, форма губ, подбородок почти идентичны. Такие же волнистые волосы.

– Ваши публикации, статьи и выступления неуместны, – заявил дэймос и впервые в его голосе прозвучало недовольство.

Он повернулся, и Феликс уставился на него с жадным любопытством, наконец получив возможность разглядеть все черты, в которых вполне гармонично сочеталась кровь Бэйцзина и Полиса.

– Господин Лихонг, вы же делец, – произнес собеседник, – но ваша так называемая программа выхода из экономического кризиса закончится катастрофой. Я мог бы снова повторить вам последние данные проб воды и почвы, однако уверен, вы с ними уже ознакомились.

Дэймос выслушал его с непроницаемой маской вежливого внимания. Он стоял, не шевелясь, словно изображая памятник себе самому или находился на трибуне.

– У вас говорящее имя, господин... Икар. Человек, который не послушался мудрого отца и взлетел слишком высоко, забыв, что его крылья из воска.

– У этого мифа есть и другая трактовка, – улыбнулся его оппонент. – Стремление человека к знаниям и свободе, невзирая на риск.

– Пустое любопытство и глупость, – ответил жестко обскурум.

– Стремление к неизведанному и смелость... – парировал Икар.

– Господин Икар, у вас семья, – вкрадчиво произнес дэймос, видимо поняв, что бессмысленно дискутировать на темы мифологии с жителем Полиса. – Милая жена. Сын. Знаю, что с ним вам не просто, но все же родная кровь...

«Он уже знал, кто я, – понял Феликс, – уже тогда он знал, что я такой же»

– Уезжайте. Здесь не ваша земля. – Лихонг сделал многозначительную паузу, глядя в глаза собеседника, и продолжил: – Мой партнер недоволен вашей чрезмерной активностью. От Полиса мы бы хотели получать финансовые вложения, а не критику.

«Партнер!» – тут же отметил Феликс. Значит он тут не один. Работает не один.

«Осторожно», – обратился молодой танатос к отцу, впрочем, понимая, что это бесполезно. И предостережения и обращение к тому, кто давно остался в прошлом.

– Господин Чжен, – дэймос медленно повернулся ко второму человеку, скромно держащемуся в тени. – Я могу понять господина Икара. Он чужак в нашем мире. Но вы сын Бэйцзина и должны понимать необходимость происходящих перемен.

Обскурум издевался. Все эти высокопарные фразы звучали откровенной насмешкой.

И Чжен, покрасневший до корней волос, тоже понимал это, но субординация и необходимость «держатъ лицо» заставляли его делать вид, будто он не замечает насмешки.

– Господин Лихонг, – произнес он чрезвычайно вежливо. – Уровень ультрадисперсных частиц в воздухе в этом месяце достиг критической отметки. Рекордный показатель PM2.5 – 1000 микрограмм на кубический метр. Видимость 50 метров, из-за смога пришлось закрыть школы и остановить работу на предприятиях.

Он говорил что-то еще, называл результаты новых замеров в различных районах Бэйцзина, но судя по скучающему лицу дэймоса, тому было плевать и на смог, и на ядовитые дожди, выжигающие урожай, и на бурное развитие зеленых водорослей, затрудняющее ловлю рыбы. И на отдаленные биологические последствия всего этого.

– Это показатели Полиса, – равнодушно ответил господин Лихонг. – Они намеренно завышены. Наши экологи, – он сделал упор на слове «наши», – доказывают, что уровень выбросов с заводов и фабрик не превышает нормы. И никак

не вредит здоровью наших граждан.

Феликс видел, что дэймосу все сильнее надоедает этот разговор.

– Дело не только в заражении нашего промышленного конгломерата, – продолжил Чжен, прилагая все усилия, чтобы не начать эмоционировать. – Загрязнения не успевают рассеиваться в воздухе и, поднимаясь на большие высоты, переносятся на соседние территории. Мы начинаем травить и Полис, и Бангкок, и...

– Я слышу в ваших словах упаднические настроения! – отрезал дэймос. – Осторожнее в высказываниях, господин Чжен. А вы, господин Икар, прислушайтесь к моему совету. Более не задерживаю вас, господа.

Шум цеха за стеклом стал громче, удары молотов бешено-неритмичными, гул сталеплавильных печей заглушил голоса и белый электрический свет, ослепляя, залил все помещение. Поглотил черные силуэты людей.

Но Феликс не дал выбросить себя из этого сна. Швырнул свое сознание вперед, прямо к обскуруму, каменным изваянием застывшему в хаосе звуков и красок. Пара мгновений безвременья, а потом молодой дэймос увидел себя самого. В форме частной гимназии с кожаным дипломатом в руке, быстро поднимающимся по лестнице.

Их добротный дом в районе белых стоял рядом с парком, и зеленые солнечные отсветы играли на ступенях. Феликсу показалось, что он стал самим собой. Тем самым тринадца-

тилетним мальчишкой, беззаботным и безгранично уверенным в себе.

Было непривычно тихо. Лишь где-то на втором этаже хлопало окно. Не пахло обедом, Мэйлин – молоденькая горничная – не выбежала навстречу, чтобы поприветствовать молодого господина, забрать пальто и зонт.

– Есть кто дома? – спросил он громко, открыл свою комнату, бросил дипломат на кровать и пошел в кабинет отца.

Толкнул дверь, сделал шаг вперед и застыл. Замер. Сознание фиксировало детали, но не могло расшифровать такие ясные образы.

...Они нашлись за столом отца. Два тела, сваленных как попало на пол. словно бракованные тюки материи или другие неодушевленные предметы. Он разглядел труп служанки с неестественно вывернутыми руками и красным пятном вместо лица. Она скорчилась в ногах матери. Та, сама тонкая и стройная как девчонка, в домашнем платье, прижалась виском к ножке стула и ее густые темные волосы рассыпались по ясеневому паркету. Один глаз янтарно-ореховый, блестящий, приоткрыт удивленно, второй залит густым багровым потоком.

Отец лежал у камина, из-под его головы натекала большая лужа крови, в судорожно сжатых пальцах виднелась фигурка. Белый ферзь...

Взгляд зацепился за шахматную доску на каминной полке. Она была забрызгана алым.

Вопль Феликса заглушила ладонь, зажавшая рот. Его подняли как щенка. Стиснули, не давая шевелиться. Но он продолжал кричать. От боли и ярости, от ненависти. Этот крик звучал в нем, не прерываясь...

— Мальчишку живым, — прозвучал короткий приказ за спиной.

И крадущий сны рухнул в темноту вместе с прошлым.

Мир сна начал выцветать, таять, стекать потоками грязной воды... Перед глазами Феликса замелькали путанные «следы». Юный танатос уцепился за сознание дэймоса и начал искать: скрытые тропинки, которые вывели бы в подсознание другого человека. Или вернее, не совсем человека... Второго партнера Лихонга.

Обломки смутных видений сменялись очень быстро. Сначала из графитовой пустоты проступили старые здания, залитые дождем, сквозь их стены проросли деревья. На голых черных ветвях появились багровые бутоны. Когда они набухли, готовые лопнуть распустившимися цветами, стало ясно: все это — тревожно пульсирующие сердца, нанизанные на острые сучья. Прежде чем картинка сменилась, Феликс успел увидеть, как раскрылся ближайший к нему цветок, и во все стороны разлетелись алые брызги.

Старые низкие домики переменились современными небоскребами с традиционными бэйцзинскими крышами. Из каждого окна текла кровь. Медленные потоки сливались на улицы, превращаясь в быстро бегущие ручьи, по которым

шагали люди. Веселые, довольные, сосредоточенные, деловитые... обычные. Занятые повседневными делами, не замечающие кровавого потопа, щедро окрасившего даже капоты едущих машин.

Дома и деревья заменились холмами, сложенными из старых спрессованных книг. Черные склоны покоробившихся обложек, белые вкрапления слюды – страницы. Едва Феликсу удалось сфокусировать взгляд на этом сюрреалистическом пейзаже, как все древние заплесневевшие тома вспыхнули. Пожар взметнулся до неба. Языки пламени сплелись в сияющую фигуру птицы с широко распахнутыми крыльями. Феникс летел над огнем, пожирающим землю.

«Феникс», – прошептал, хмурясь, молодой дэймос.

И шагнул прямо в обжигающее, режущее пламя. То поглотило его, потащило за собой – и вышвырнуло в новую реальность. Подсознание обскуруса приняло юного танатоса, не сопротивляясь.

Это была огромная площадь. Бесконечно длинная Тяньаньмэнь. «Врата небесного спокойствия». Лихонг стоял в центре, на сером асфальте, разрисованном белыми линиями, склоняя голову от порывов резкого ледяного ветра с привкусом дождя. И больше не выглядел высокомерно-уверенным. Он нетерпеливо осматривался, все время отдергивая рукав пиджака, чтобы посмотреть на часы.

Ждал.

И Феликс, невидимый, неосязаемый, ждал вместе с ним. Время шло.

Начала накрапывать мелкая морось с запахом бензина. Издали слышались звуки бравурной, очень знакомой мелодии, обрывок какой-то праздничной речи... Ураган звуков приближался. Накатывал, поглощая шелест дождя и шарканье подошв по асфальту. Лихонг занервничал сильнее, словно опасаясь, что эта кипящая волна поглотит его. Снова схватился за браслет, и Феликс понял, что этот предмет – его средство связи.

Феликс ушел еще глубже в сон, почти растворяясь в нем. Надвигающаяся лавина была слишком мощной для него. И опасной. Сокрушающей. В ней была сила зрелого, мощного танатоса.

Партнер дэймоса упал на колени, изо всех сил зажимая уши руками. Браслет на его запястье заискрился, рассыпая белые электрические разряды. Марш грохотал уже на пределах допустимой мощности. Ученик Нестора рывком бросил сквозь стену музыки свое сознание, ловя дорожку следа, ведущего за пределы подсознания Лихонга. ...и врезался в монолитную стену.

Юноше показалось, что его ударили наотмашь изо всех сил гигантским молотом – не только по лицу, по всему телу. У него прервалось дыхание, чернота разом погасила все краски мира снов, но он заставил себя удержаться на грани... А затем скоростной экспресс сна понесся дальше, грохоча

на рельсах глубинных страхов и света огнями разума, а Феликс быстро спрыгнул с подножки последнего вагона, вырывая себя из этой реальности.

Он лежал в грязной постели, сжимая в ладони рукоять ножа. За окном шумел ночной Фейхуан, хрипло дышал на полу еще не очнувшийся Чжен.

Феликс машинально провел торцом ладони по лицу и понял, что размазал дорожку крови из носа.

Ненависть. Вот что он испытывал сейчас. Ледяная, разъедающая словно кислота, она текла в его крови.

Конечно, их никто не искал. «Профессор и его семья уехали в Полис». Забрали с собой служанку. А, может, она отправилась домой в одно из горных селений. Кто будет проверять, когда столько проблем. Не до учета передвижений чужаков и бедноты...

Чжену повезло. Он выжил. Но теперь превратился в тупую марионетку.

Дэймос, откачивающий деньги из Бэйцзина и экономящий на очистных сооружениях, людях, специалистах, на всем, чтобы создать свою денежную империю, не церемонился ни с кем. Но самое главное его преступление было не в этом.

Феликс выдохнул медленно на три счета.

Поднялся резко. Надел снятую перчатку, схватил первое попавшее кухонное полотенце, вытер лицо, затем обернулся

в сторону лежащего.

Юноша наклонился и с силой прижал сонную артерию на шее Чжена. Он держал до тех пор, пока не понял – жизни в этом теле, покалеченном и отравленном силой дэймосов, больше нет. Своего рода освобождение.

Легкая смерть.

...Все равно нельзя оставлять такого свидетеля.

Потом Феликс обернул в ткань нож, сунул оружие за пояс. Снял с вешалки кожаную куртку, пропахшую табаком и чужим страхом. Надел, скрывая рифленую рукоятку, и вышел из комнаты.

Писатель лгал. Он закончил свое общение с отцом не так уж и «давно». Скорее всего, прошло не больше четырех-пяти лет. Помнил ли он об этом, или солгал не специально – сейчас уже не имело значения.

Сбегая по лестнице, Феликс услышал, как хлопнула дверь наверху, и следом затопали по скрипучим ступеням торопливые шаги. Вполне возможно совпадение. Но массивная высокая фигура, застывшая на улице, напротив выхода из подъезда, совпадением не была. Во влажном воздухе лениво плыл запах дешевого табака. Знакомый запах. В темноте светился огонек сигареты. Крошечной кометой, рассыпающей искры, он тут же полетел в ближайшую лужу, когда дэймос направился в ту сторону. Молча, быстро, прицельно.

Поджидавший его не успел удивиться подобной прыти.

– Прошу прощения, – сказал Феликс на койне. И чело-

век, выступивший навстречу темному сновидящему, непроизвольно отвлекся, слушая его голос.

Дэймос, воспользовавшись этой растерянностью на доли секунды, ударил его. Коротким взмахом снизу вверх, не разматывая полотенце с ножа. Лезвие пробило плотную ткань плаща и воткнулось в живот бэйцзинца именно там, где Феликс планировал. Мужчина начал медленно валиться на дэймоса, но тот подхватил его бережно, почти как любимого родственника и позволил осесть на землю у стены.

Оглянулся. Из подъезда никто не вышел. Вырвал нож из тела, аккуратно заворачивая в ткань, чтобы не испачкаться кровью, вернул клинок обратно за пояс и поспешно зашагал в сторону центральной улицы. У него было несколько минут.

Первый попавшийся клуб распахнул навстречу деревянные двери, и пара девчонок-зазывал с зелеными цветами в волосах тут же повисли у него на шее. Он деликатно высвободился из объятий и уверенно прошел сквозь столбы сигаретного дыма, клубящиеся в алом свете, толпу, ритмичнодвигающуюся под оглушительную музыку. «Это все тоже скоро закончится», – подумал Феликс, рассекая танцующих.

В мужском туалете слезились глаза от дыма и запаха едкой дезинфекции. Феликс прошел в самую дальнюю кабину, ловя на себе беглые равнодушные взгляды. Увидел мельком свое отражение над рядом умывальников. Темные кудрявые волосы, бледное лицо с резкими чертами, светлые глаза.

Он запер дверь. Туалет типа «азиан-стайл» – дыра в полу и две ступени, зато много свободного места. Феликс сел на корточки у дальней стенки, прислонившись спиной к белому кафелю. Сняв перчатку, сжал рукоять клинка, испачканного уже подстывающей кровью. Опустил голову, прижимаясь лбом к коленям, и швырнул себя в сон. Как всегда успел «запрыгнуть в последний вагон». Человек, которого он ударил ножом, умирал. Исследовать досконально его подсознание не было времени, но основные вехи Феликс увидел сразу.

Тень Фейхуана. Город – искаженное отражение реального, оплывающие стены домов сползают в реку. Издалека раздаётся мерный звук: напоминающий удары деревянных молотов по цзян-тан⁴. Это медленно затухающие толчки сердца.

А посреди призрачного города – глубоко пропаханная траншея. Подсознание было жестко прошито воздействием дэймоса. Не крючки, не легкая сеть или дымка – создатель кошмаров вообще не стеснялся в методах: вколотил полное подчинение, с ломкой психики. Своего рода зависимость, наркомания, потеря личности.

Присутствия хозяина не ощущалось. Но широкий, кроветочащий путь вел к нему. Феликс почувствовал, как начинается темнеть в глазах, побежал озноб по загривку. Холод куснул за пальцы. И прежде, чем человек умер, вырвался на волю из чужого гаснущего сознания, запомнив пути вы-

---

⁴ Сладкие лепешки ореховой халвы.

хода к мирам-подсознаниям тех, других, дэймосов, которых сумел засечь.

В туалете шумела вода, хлопали двери, гудели голоса... Танатос поднялся, убирая нож, ногой нажал на педаль слива и вышел из кабинки.

Теперь надо было подумать.

...Думал он в трясущемся от старости рейсовом автобусе на заднем сидении у окна. Делал вид, что спит, натянув ворот свитера до самых глаз и опустив на голову капюшон толстовки. Куртку и нож Чжена он утопил в Тотцзян. И мутная холодная вода реки Фейхуана охотно приняла подарок, поглотив темной глубиной.

Рядом похрапывал пожилой мужчина, источая запах нафталина от одежды, жареного чеснока и дешевого одеколона. Эта дикая смесь ароматов внезапно напомнила Феликсу Нестора, достающего из старого шкафа выходной пиджак, провонявший средством от моли. И один из важных разговоров с учителем вспомнился очень ярко.

– Ты хочешь меня использовать, – уточнил молодой танатос, сидя на колченогом табурете в мастерской наставника и наблюдая, как тот орудует рубанком.

– Чтобы убить его... их, надо быть рядом, – хмуро говорил Нестор, снимая широкие кольца стружки с соснового бруска. Феликс понимал это. Чтобы взаимодействовать, вернее уничтожить сильного дэймоса, необходим физический кон-

такт. Чем ближе, тем лучше. Значит, придется попасть в Бэйцзин.

– Почему не едешь сам? – спросил он учителя.

Нестор выразительно взглянул на него из-под кустистых бровей.

Феликс понимал, что вопрос скорее риторический. Он знал ответ. Несколько ответов. Или мог предположить.

Танатос был стар. На физическом уровне. Сил сна у Нестора оставалось на десятерых дэймосов. Однако долгое путешествие в другую страну вымотало бы его. Но самое главное было не в этом.

– Боишься? – спросил он неожиданно ученика, погружившегося в размышления.

– Естественно нет, – отозвался тот без тени сомнения.

Старый танатос кивнул, как будто услышал нечто само собой разумеющееся, и уступил место у верстака Феликсу. Тот взялся за две теплые, отполированные многими прикосновениями рукоятки и стал снимать резцом-ножом слой дерева, добываясь нужного размера детали.

– Ровнее вежи, – велел Нестор, наблюдая за его действиями. – Не зауживай.

Молодой дэймос хорошо понимал намерение учителя воспользоваться им, и был твердо убежден, что это правильно. Такой подход абсолютно вписывался в его картину мира. И правда: зачем нужен ученик, за которого придется выполнять элементарные вещи?..

Кроме того, Феликс знал, что их интересы в данной ситуации совпадают.

– Знают меня многие, – сказал Нестор, наконец, нехотя. – Видели кое-когда. Может, уже померли все, но рисковать не хочу. А там придется ходить, искать, спрашивать. И если кто припомнит меня в лицо, поймут, за чем явился.

– Весьма исчерпывающая тактика, – пробормотал ученик, старательно водя рубанком по заготовке. – Меня-то вряд ли узнают? ...Кто обращал внимание на жалкого дохляка в клетке, приготовленного на убой.

– Сильнее нажимай, – произнес Нестор и, судя по его тону, заметил сарказм в выводах ученика.

Сейчас Феликс уже не сомневался. Память у дэймосов была специфической... И крепкой.

Эта, легкая на первый взгляд, работа с деревом, оказалась кропотливой, утомительной физически и требующей постоянного внимания. Но при долгой практике навыки доходят до автоматизма. Точно также как умение убивать, во сне и наяву. И к пятому году обучения Феликс вполне овладел этим искусством, но пока не в совершенстве, поскольку таланты в такой науке можно было оттачивать десятилетиями.

Он быстро понял, что убийство – прекрасная и единственная возможность избежать проблем. Нет человека – нет вопросов, преследований, разбирательств и всех остальных связанных с делом сложностей.

Старый Нестор был одиночкой. Хищником, со своими

представлениями о том, как нужно и правильно. Из его рассказов о прошлом, рассуждений и кратких, образных отзывов Феликс понял его теорию.

Больше всего он ценил свою свободу. И не терпел покушения на нее.

– Тебя видел перекупщик, – говорил Нестор. – Но это не тот, кто нам нужен. Проверял я его. Ничего не знает. Простой исполнитель. До главного – пути нет.

Нестор не знал точно своего недруга. У него не было вещи этого темного сновидящего, и он представлял лишь примерно, где искать. И кого.

Вытирая пот со лба о свое плечо, и продолжая работать рубанком, Феликс думал о том, что танатосы не телепаты, чтобы широко раскинуть мысленную сеть и поймать в нее нужного человека. И даже если они с Нестором найдут предполагаемого врага, придется искать доказательства в мире снов тоже – тот ли он, кого они выслеживали.

Нужно было не выманить противника из норы, а хотя бы найти нужную нору. И если бесцельно тыкать палкой во все дыры в земле, рано или поздно из одной выскочит песчаный лев, чтобы откусить тебе голову...

Вот Феликс нужен был как раз для того, чтобы служить приманкой. Это он понял...

Автобус дернулся, останавливаясь, и молодой танатос осознал, что погрузился в мерцающее состояние, отдален-

но напоминающее сон, но близко с ним ничего не имеющее. Ни отдыха, ни перезагрузки. Мозг, отключившись от реальности, с бешеной скоростью анализировал полученные образы. Сопоставлял, проводил параллели, делал предварительные выводы и строил новые гипотезы.

Двери со скрипом раздвинулись, потянуло выхлопными газами, растворенными во влажном воздухе. В салон ввалились двое в форме народной полиции: черно-зеленой и весьма приметной. Спотыкаясь о коробки и чемоданы, наваленные в проходе, с руганью пиная узлы, попадающиеся под ноги, они шли по автобусу, светя узким лучом фонаря в лица пассажиров. Те бормотали и вскрикивали спросонья недовольно, однако тут же испуганно затихали, разглядев, кто именно потревожил их покой. Со стражами порядка и борцами за идеальную идеологию шутки были плохи.

Несколько мыслей одновременно пронеслись в голове Феликса. Обрывочных, но вполне понятных для него. «Кого ищут? Все улики уничтожены... Свидетель убит. ...Документов с собой нет. А если бы и были, лучше не показывать... Гражданин Полиса в местном рейсовом автобусе? Внимание могла привлечь его белая физиономия...»

Слепящий луч ударил в лицо. Дэймос зажмурился невольно. Полицейский несколько мгновений изучал его, а потом, отведя фонарь в сторону, приказал отрывисто:

– Вставай! Пошли!

Говорил он с акцентом восточных провинций. Резким

и лающим.

Предполагая, что белый не понимает бэйцзинского, энергичным жестом короткопалой руки, подтвердил свой приказ.

– Почему?! – искренне возмутился Феликс на его же языке. – Я ничего не сделал! Я на дискотеке в Фейхуане был!

На круглом смуглом лице полицейского мелькнуло, было, сомнение. Но тут же развеялось, он схватил молодого танатоса за плечо и потащил из кресла.

– Давай, вылезай. Разберемся. На какой дискотеке ты был.

Продолжая сдержанно возмущаться, Феликс сделал вид, что споткнулся о корзинку и ухватился за стража порядка. Получил чувствительный тычок под ребра от второго. И, пользуясь темнотой, зажал в кулаке маленький предмет, извлеченный из кармана полицейского, незаметно сунул в рот, за щеку.

Дэймоса вывели на улицу. Он окинул пейзаж быстрым изучающим взглядом. Пустое плохо освещенное шоссе с разбитым асфальтом. Темные фасады трехэтажных домов с изогнутыми скатами крыш кажутся мертвыми, лес, подступающий с другой стороны дороги, выглядит спящим. Как из кошмара. Но кошмара, дружественного танатосу.

Автобус поспешно закрыл дверь и, обдав облаком едкого выхлопа, покатил дальше. На обочине стояла машина – стандартный полицейский автозак для перевозки «специального контингента». То есть, задержанных граждан.

Феликса тщательно обыскали, однако не нашли даже но-

сового платка, что вызвало некоторое удивление. И зачихнули на заднее сидение.

Там, за решеткой, отделяющей переднюю часть машины, уже томился молодой мужчина с разбитой головой. Судя по белой повязке с красным изломанным крестом, он был из бэйцзинского филантропического общества «Шицзе Хунваньцыхуэй». Те принимали активное участие в ликвидации стихийных бедствий и, насколько Феликс помнил исторические хроники, еще военных конфликтов... И с чего этот парень – социальный работник из гуманистической организации – попал за решетку, можно было только догадываться.

– А тебя за что?! – спросил он, с сочувствием глядя на дэймоса одним глазом, зажимая другой платком. – Не там улицу перешел? Книжку старую дома хранил?

Феликс не ответил, наблюдая за полицейскими. Один устроился за рулем, оглянулся с презрением на задержанных, второй потянулся к рации. Машина тронулась с места, и в тот же миг темный сновидящий закрыл глаза.

Все происходящее дальше развивалось со стремительной скоростью. Гораздо быстрее, чем возможно было отследить во сне.

Водитель отстегнул ремень, щелчком разблокировал замок на задней двери и вдавил в пол педаль газа. Автомобиль понесся по пустому шоссе, виляя с одной полосы на другую. Визг шин и рев двигателя заглушали крики второго полицейского, пытающегося оторвать руки напарника от руля и вы-

крутить тот в безопасную сторону.

Но он не мог.

Машина дернулась в последнем рывке и врезалась в фонарный столб.

За мгновение до столкновения Феликс пришел в себя, сгруппировался, закрывая голову руками.

Удар, звук рвущегося металла, крик, неумолимая сила инерции, швырнувшая вперед. Хруст, звон стекла... А затем тревожная тишина.

Дэймос выпрямился с некоторым трудом. И сидел пару минут, пытаясь прийти в себя. Авария вышла более травматичной, чем он рассчитывал.

Руль вдавился в грудь водителя. Тело лежало, обмякнув бесформенным кулем, и все сидение было залито кровью. Голова второго полицейского пробила стекло. Деревянный столб упал, расплющив крышу машины.

Феликс выплюнул в ладонь монету, которую все еще держал во рту. Сунул в карман. Мужчина из гуманитарной организации лежал, не шевелясь, завалившись на сиденье. Один глаз, залитый кровью, был закрыт, второй, черный и пустой, смотрел на Феликса неподвижно и мертво.

Чтобы вылезти из машины, дэймосу пришлось перебираться через него. Проползти согнувшись и прижимаясь вплотную. Танатос смотрел на неподвижное тело со сломанной шеей. Еще теплое, из порезов от мелких осколков сочилась кровь. Она запеклась под неровно подстриженными

ногтями и прочертила лишнюю линию по татуировке на запястье. Красная свастика – знак его филантропического союза. Смуглая кожа наощупь оказалась влажной... Как и тонкий хлопок одежды над ней.

В голове Феликса мелькали мысли: «Странный человек из странного сообщества ...спасающие кого только можно, нередко ценой собственной жизни. Глупость... ..Даже незнакомый убийца вызвал у него сочувствие».

Феликс не испытывал негативных чувств по отношению к невольному очевидцу произошедших событий. «Хорошо, что мертв, – решил он отстраненно. – Не придется убивать свидетеля».

Дэймос с трудом вытолкнул дверь и почти выпал наружу, жадно глотая воздух. Болели ребра и коленный сустав. Голова гудела.

Он задрал толстовку вместе с футболкой – на боку багровел внушительный кровоподтек.

Могло быть хуже.

Он одернул одежду, слегка хромая обошел машину. Проверил пульс у обоих полицейских. Трупы, как он и думал.

Феликс развернулся и направился прочь от места аварии, натянув пониже капюшон на лицо. Перешел через дорогу, свернул в узкий переулок. Сюда выводили задние двери лавок и магазинчиков. Каменная мостовая была выметена, мусор убран в баки, хотя многовековая помоечная вонь плотно впиталась в стены.

Танатос замер на мгновение, ему почудилось едва уловимое движение наверху... Поднял голову и с недоумением увидел, что именно насторожило его. В узком проулке на разной высоте висели алые бэйцзинские зонтики. Они покачивались едва заметно, словно огромные летучие мыши, на своих веревках, зацепленных за стены. Кому пришло в голову устраивать здесь эту декорацию и зачем, Феликс понятия не имел.

Он вновь накинул капюшон на голову и пошел дальше, теряясь в темноте переулков.

До гостиницы дэймос добрался ранним утром. Сонный и уставший.

И, конечно же, столкнулся на лестнице с командой лучников, дружно направляющейся на состязания.

– Это ты так рано встал? – осведомился тренер, – или поздно лег?

– Поздно встал, – пробормотал дэймос.

– Я взял твою форму, – шепнул ему сосед по комнате.

Поборов неприятное ощущение, вызванное тем, что посторонний трогал его вещи, Феликс кивнул, благодаря, и незаметно закинул в рот пару таблеток транквилизатора.

Сознание тут же прояснилось, вместо усталости, затягивающей голову серой паутиной, вернулась ясная, прозрачная до кристальности ненависть. И стрелы в мишени он пускал, видя на их месте своих врагов.

Вышло весьма успешно. Домой Феликс вернулся с серебряным кубком.

Но первое место заняла Мия.

Глава 3

Перекрестье интересов

Нестор ждал его.

Торопливо вышел навстречу своей раскачивающейся походкой старого моряка, крепко стиснул руку в обычном своем приветствии, окинул пронизывающим взглядом из-под кустистых бровей.

– Всех, кого видел, уложил? – спросил он хмуро, но без неодобрения.

Феликс кивнул молча.

Нестор прошел в комнату, где стояли две кровати на расстоянии достаточном, чтобы, протянув руку, коснуться человека, лежащего на соседней.

Как был в одежде, молодой танатос рухнул на покрывало, расшитое желтыми шелковыми листьями. И сон сразу принял его в свои бережные, глубокие объятия. Настоящий сон. Без обмана. Наполненный тишиной и покоем надежного убежища. Нестор появился в нем спустя один единственный удар сердца.

В этой реальности старый дэймос не выглядел ни уставшим, ни немощным. Сила сновидящего, казалось, физически ощутима и пронизывает расходящимися волнами

все пространство снов. Ассоциация с валуном, брошенным в тихую заводь, и поднявшим нешуточное волнение становилась все более зримой.

Дом выпустил двух танатосов за ворота, где начиналась путаница дорог, ведущих в сны-подсознания.

Феликс безошибочно определил нужную. Едва намеченная тропинка в ночной мгле.

Тени сливались в бесформенные образы. Высокие деревья. Пагоды, взлетающие до неба и складывающиеся как гигантские зонты, чтобы вновь превратиться во мрак. Горы, с которых срывались водопады из дыма...

Иллюзорный мир поволновался еще немного и застыл, обретая стабильность устойчивой структуры.

На ровной каменной площадке находился дэймос.

Господин Лихонг заметно нервничал. Он выглядел почти также, каким Феликс увидел его в подсознании Чжена, даже одежда не изменилась. Лишь самодовольная решимость все большее растворялась в откровенной неуверенности.

Когда молодой танатос приблизился, скрытый тенью сна, невидимый и неосязаемый – ночная декорация сменилась на менее эффектную, но вполне узнаваемую:

Беседка над прудом с лотосами в бэйцзинском парке.

Дождь лупит по широким зеленым листьям и цветам, гремит по крыше. Заглушает все посторонние звуки. Скрывает следы...

Почти скрывает. Феликс ощутил за фигурой Лихонга при-

существование кого-то иного. Могушественного и накачанного до предела силой сновидения. Та кипела и сминала реальность сна, словно кислота, падающая на пленку.

Его образ проявился как фотография при печати – только что обскурум в одиночестве нетерпеливо постукивал пальцами по темному дереву парапета беседки, и вот уже напротив него стоит второй.

Феликс рассматривал его с легким удивлением. Казалось, с бэйцзинцем собралась беседовать мраморная статуя. Сон стер с этого сновидящего все краски или их не было изначально. Белое лицо, прямые бесцветные волосы, глаза почти лишенные радужки и лишь намек на зрачок, светлая одежда.

Альбинос.

– Ты задерживаешь перевод. – Говорил он тихим голосом, лишенным выражения: – Уже неделю я не получаю обещанного.

– У меня трудности... – сделал попытку оправдаться его собеседник.

Было видно, что он пасует перед танатосом, желает закончить неприятный разговор как можно быстрее, но не может уйти без позволения.

– Я знаю, что у тебя трудности. Но было время для того, чтобы разобраться с ними.

– Невозможно вечно скрывать дождь из химикатов, – огрызнулся Лихонг, – и наступление пустыни. Люди не слепые.

– Это ты слеп, – спокойно констатировал альбинос. – Меня не интересуют проблемы населения Бэйцзина. Чжен мертв. Наблюдатели мертвы. Кто-то изрядно покопался в твоём подсознании, а ты даже не заметил этого.

Лихонг развернулся, оглядываясь, рыская напряженным взглядом по сторонам – пытался обнаружить следы постороннего воздействия. Но вокруг не было ничего: только дождь, лотосы, тающие в серой мгле падающей с неба воды... и мокрые перила беседки над прудом.

– Кто-то из мастеров сна? Это невозможно!

– Друг мой, не дай мне повод считать, что ты не только слеп, но еще и глуп. – С легкой усталостью произнес альбинос. – Думай, кому перешел дорогу, и не заставляй меня беспокоиться о моих интересах. Как ты разберешься со своими проблемами, меня не волнует.

Белая фигура растаяла, словно клочок тумана, не оставив после себя следов.

Крадущий сны продолжал стоять, задумчивый и отстраненный.

Нестор же, в это время, последовал за его собеседником...

Феликсу было совершенно ясно, что теперь они могут убить Лихонга. И сделать это прямо сейчас. Тот являлся нитью к неизвестному танатосу, но и альбинос, выходило, мог через него добраться до Феликса, раз уж он ощутил чужое появление в подсознании обскурума. Есть ли риск, что сильный противник не ушел так глубоко, как пытался показать?

Возможно, сейчас он следит за тем же местом в мире сновидений, за которым наблюдали они с Нестором.

Феликс знал, что должен убить Лихонга сам. Появиться перед ним, заставить испытать боль... вспомнить. Однако спутник молодого дэймоса решил иначе.

Заслонив собой небо, из пустоты надвинулась огромная тень. Ученику Нестора почудилось, будто он видит в густоте этой тени, в ее чернильной тьме, очертания огромного северного медведя. Силуэт кляцнул пастью, всего один раз – и растворился.

Не осталось ни Лихонга, ни беседки, в которой проходила встреча, ни самого фрагмента сна.

Серая мгла разрыва зияла на месте прежнего вполне оформленного пространства.

Феликс не успел поразиться мощи учителя, способного разрушать основу мира сновидения без вреда для себя – как его выбросило в реальность.

Когда он открыл глаза, наставника уже не было в комнате. Он всегда уходил раньше, за мгновение до того, как ученик успевал проснуться.

Нестор сидел в большой комнате за столом. Перед ним, как всегда после сложной работы во сне, стояла открытая бутылка красного вина и стакан, уже почти пустой.

Феликс сел напротив, хотя ему очень хотелось выбраться во двор и упасть в заросли сныти. Но сегодня, он чувствовал,

надо подождать с отдыхом.

– Медведь... – произнес он, не сдержав легкой насмешки. – И почему я не удивлен.

Он хотел поиронизировать, намекая на «дикую», уединенную жизнь наставника и хмурый нрав. Но тот неожиданно посмотрел на ученика пронзительным взглядом танатоса, и у Феликса пропало желание шутить.

– У Гипноса *три* сына, – проговорил Нестор внушительно. – Первый – Морфей. Он является во сне только человеком. Стариком, ребенком, женщиной... Примешь его условия, превратиться ни во что иное не сможешь.

Нестор помолчал. Давая время ученику осмыслить сказанное, затем продолжил:

– Второй, Фантас, способен прикинуться любой вещью. А еще бурей, штормом, грозой.

– Неодушевленные предметы и явления природы, – кивнул Феликс, поднялся, взял из буфета второй стакан и уселся обратно.

– Если на тебя рухнет дом или заговорит дерево – это он. Фантас. – Нестор, плеснул ученику вина, совсем не щедро, оно едва прикрыло донышко. – Будешь служить ему, научишься тому же.

Старый дэймос в два глотка осушил стакан.

– Мне сопутствует третий. Икел. Он обращает в себе подобных. Зверей. И дает звериную мощь. Глупо было бы отказаться от нее.

– Ну да, я видел. – Феликс выпил свое вино, осмысливая новую информацию, поморщился от кислого вкуса перебродившего винограда. – Весьма впечатляюще. Ты сожрал и обскурума, и все следы, и сам фрагмент сна. Пожалуй, я хочу быть адептом Икела.

– Ты адепт Мома, – саркастически буркнул Нестор. – Зачем медлил? Отчего сразу не убил его? Мечтал, чтоб он на колени перед тобой повалился? О пощаде умолял?

– Ну... – подобные желания у Феликса были.

В полной мере насладиться унижением и страхом врага и лишь потом уничтожить его. Наиболее мучительным способом.

– Убивай сразу, – жестко отрезал старый танатос. – Не выделяйся.

– Это что, правила твоей охоты? Жить в гармонии и единении с живой природой? Уважение к жертве и прочее? пытки устраивают лишь мороки? – недовольно осведомился Феликс, потянувшись за бутылкой, но Нестор отодвинул ее.

– Это правила выживания. Ты не знаешь, кто смотрел на тебя во сне. Кто тебя запомнил и зацепил, пока ты любовался да приценивался. Увидел. Убил. Ушел. Быстро и тихо.

– *Veni, vidi, vici...*⁵ – сказал Феликс задумчиво.

Логика в словах учителя была. Девиз древних подходил и к современной жизни танатосов.

– Ладно, я понял.

---

⁵ Пришел, увидел, победил.

– Ну, значит, все обсудили.

Ученик кивнул.

Нестор плеснул себе еще вина и спросил неожиданно:

– Ничего не упустил..?

– Нет, – уверенно ответил Феликс.

– Если надо поговорить, – сказал старый танатос, не глядя на воспитанника: – или дело срочное, приходи сюда. Слова знаешь.

– Какие слова..?

Губы Нестора беззвучно шевельнулись, юный дэймос едва успел осознать начало фразы – как мир сдвинулся, замерцал, начал выцветать и рассеиваться...

Феликс открыл глаза. Первое мгновение он не мог понять, где находится. Со вторым ударом сердца пришло осознание.

Реальность встретила его звонкими голосами, хлопанием дверей, далеким гулом машин с улицы, звоном кастрюль и шипением жаровен из едальни, выходящей кухней прямо к окнам гостиницы. Знакомыми запахами. Сладкими, жареными, пряными...

Бэйцзин просыпался.

...Невероятно реалистичный сон не желал отпускать его. Феликс все еще чувствовал запах дома Нестора – дерево, старый холст, свежескошенная трава, нагретый солнцем летний день. Шум теплого ветра в кронах лиственниц, даже настойчивый тонкий писк комара, выющего около защитной сет-

ки на окне. Уютное гудение пчел над липами...

Молодой танатос был уверен, что покинул Бэйцзин и вернулся в Полис. Убил своего врага, отомстил.

И вот лишь теперь он понял – тайное убежище, крепко связанное с домом и открывающееся только паролем, создало такую сильную иллюзию присутствия наяву. Место, где можно хранить любые секреты, которое никто не найдет, кроме двух дэймосов, крепко связанных с ним. Смысл последней немой фразы...

Нестор ничего не объяснял заранее. Сразу действие. Никакой подготовки. Надо будет – укажет на ошибки потом. А если ученик настолько глуп, что не выживет, то и смысл объяснять пропадает. Удобная система обучения.

Снова стукнула дверь, уже ближе.

Феликс повернул голову. Сосед выходил из ванной комнаты. Бодрый, выспавшийся, с мокрыми волосами надо лбом и дружественной улыбкой.

– Доброе утро! – провозгласил он и спросил весело: – Как это у тебя получается? С каждым разом как ты просыпаешься, выглядишь все хуже?

– Ностальгия, – буркнул дэймос, садясь на кровати и отпихивая толстое ватное одеяло с галлюциногенным узором из алых и синих роз. – Тоска по родине.

Лучник фыркнул насмешливо, сдернул со стула футболку Феликса и бросил ему через всю комнату.

– Лучше одевайся. После завтрака экскурсия. Запретный

город и Храм небесных духов.

Дворец императора, названный «Запретным городом», молодой танатос знал как собственный сад. Мать любила гулять по аллеям и дорожкам между прудов, любовалась на знаменитую стену драконов и сидела с книгой в тени плакучих ив. Она водила туда Феликса еще ребенком, рассказывая легенды и предания своего народа. О великих строителях стен, могучих воинах и мудрых политиках, красивых, утонченных женщинах и грандиозных битвах прошлого. О драконах, создавших этот мир, и фениксах, вдохнувших в него пламя жизни.

Феликс отогнал ненужные воспоминания и сказал:

– Не пойду. Скажи тренеру, еще посплю.

Сосед озадаченно посмотрел на него, вновь упавшего в постель, но переубеждать не стал. Побродил еще по комнате, собираясь, и, наконец, ушел.

Через несколько минут под окнами зазвучали голоса членов команды стрелков, звонкий смех. Феликса пытались вызвать на улицу веселыми криками, но те быстро стихли. Наступила долгожданная тишина, и дэймос поспешил выбраться из постели.

Он машинально оделся, проглотил очередную порцию таблеток, помогающих держаться на ногах. Умылся над плоской раковиной, в маленькой ванной, совмещенной с туалетом, и сосредоточенно думал.

С Лихонгом они расправились. Нестор расправился. Од-

нако удовлетворения от свершившейся мести молодой дэймос не ощущал.

Остался еще другой.

Тот, кто вышвырнул Феликса из своего сна. Смёл, как ураган швыряет щепку или сухой лист. Мощный танатос, держащий Бэйцзин за горло.

Ученик Нестора посмотрел на свои руки, сжимающие край раковины. Пальцы побелели от напряжения. Надо найти альбиноса.

Как его найти?

Феликс вытер мокрое лицо, бросил полотенце на пол, вернулся в комнату.

На окрашенных побелкой стенах висели картинки – фотографии в дешевых рамках: бесконечная лестница, ведущая в Летний дворец императора, изысканная пагода Храма Неба, мост Фейхуана... На длинной тумбочке стоит черная лакированная коробка для чашек и белый пятилитровый термос с горячей водой, разрисованный алыми пионами. Постель соседа аккуратно застелена, вещи разложены в шкафу. Из-за неплотно прикрытой дверцы торчит чехол лука.

Сумка Феликса так и стояла не распакованная. И дэймос понял, что она начала напрягать его. Все эти предметы – обуза. Трофеи. Через любой можно зацепить, поддеть на крючок. Ничего не стоит узнать, где живет молодой танатос, явившийся из Полиса. Пробраться в комнату еще проще и присвоить ремень, зубную щетку...

Очень захотелось все сжечь, или хотя бы спрятать подальше.

Феликс надел перчатки. Вынул из чехла свой лук и поменял на оружие соседа. Выгреб из сумки все мелкие необходимые вещи и разложил по карманам. Остальное сунул в черный мусорный пакет и понес к выходу. Избавиться по дороге, сунув в мусорный бак.

Внезапно охватившая паранойя начала отступать.

Он запер дверь и, пройдя по пустому коридору, спустился вниз.

С постояльцем вежливо поздоровалась молодая женщина, сидящая за стойкой. Феликс машинально ответил пожеланием доброго утра по-бэйцзински и оставил ее в легком недоумении.

На улице оказалось неожиданно сумрачно. Как будто подкрадывался вечерний полумрак, хотя только что было утро. Порывы ветра гнали пыль и бумажный мусор по мостовой, целлофановый пакет закрутило и подкинуло до уровня второго этажа. Феликс, следя за ним взглядом, поднял голову и увидел, что все небо затянуло низкими грозowymi тучами.

Дэймос повернул за угол гостиницы и зашагал по узким переулкам, поглядывая по сторонам. Здесь дома стояли в глухой тени, мрачные и серые. Он отошел подальше, огляделся, убедился, что за ним никто не наблюдает, быстро затолкал пакет с одеждой в мусорку на задворках одного из ресторанов, убедившись, что мусор в железном контейнере уже

подожгли. Завалил сверху разбитыми ящиками и захлопнул крышку.

Беспокойство прошло окончательно, молодой танатос, чувствуя вернувшуюся уверенность, пошел обратно, к центральной улице, чтобы высмотреть публичное кафе почище и поесть наконец. Откуда-то повеяло ароматом жареных свиных ушей с корнями лотоса, и Феликс решительно последовал за аппетитным запахом, как волк по следу.

Он оказался в длинном проулке и понял вдруг, здесь что-то не так. Стало еще темнее, а наверху мелькнуло, покачнулось... тень или... Дэймос опять вскинул голову. Зонты. Алые зонты качались на фоне серых бетонных стен и такого же тусклого неба. Тонкий, ярчайший шелк, натянутый на острые спицы.

Он уже видел такие недавно. В Фейхуане. После того как убил двух полицейских.

Феликс сделал еще несколько шагов вперед и остановился вновь. Теперь по более существенной причине. Ему навстречу шел человек...

Женщина – судя по силуэту в сложной национальной одежде – на плече держала точно такой же зонтик, как висели над улицей, и передвигалась специфической, семенящей и одновременно раскачивающейся походкой. Такая достигалась исключительно бинтованием ступней в детстве, чтобы добиться крошечной ноги, считающейся вершиной сексуальности в древнем Бэйцзине.

А теперь, глядя на незнакомку, становилось понятно, что и не в древнем тоже.

Она остановилась, нетвердо держась на своих «золотых лотосах» и посмотрела на Феликса. В сумраке улицы дэймос ощутил ее пристальный взгляд.

Слегка наклонила голову.

Танатос услышал шелест шин по асфальту за спиной, неспешно оглянулся и увидел, что проулок с другой стороны уже перегорожен машиной. Здоровым черным «вэйджем» с погашенными фарами.

Ученик Нестора развернулся и невозмутимо направился вперед, навстречу бэйцзинской красавице. Она не спешила убраться с его дороги и продолжала стоять гротескно-изысканной фигурой, как будто перенесенной на темную улицу со старинной гравюры.

Когда он оказался на расстоянии шага от нее, то сразу увидел причину, по которой не должен совершать опрометчивых поступков. В руках женщина держала пистолет, дуло которого было направлено точно в живот молодого дэймоса.

– Добрый вечер, – произнесла она по-бэйцзински тоном человека, привыкшего отдавать приказы и не расположенного терпеть своеволие. – Окажите мне любезность, проводите до машины.

Танатос молча шагнул к ней, подставляя руку для опоры, и тут же ощутил, как пистолет уперся ему в бок. Женщина навалилась на его локоть всем весом, медленно переступая

крошечными ногами по неровной мостовой, и он был вынужден подстраиваться к этим частым шажкам. От бэйцзинки пахло дорогими духами с густыми нотами сандала и бергамота.

У самой машины она выпустила его, и Феликс, по-прежнему под прицелом пистолета, забрался в салон первым. Спутнице пришлось приложить больше усилий, чтобы занять свое место, и дэймос уже начал было присматриваться, как воспользоваться ее слабостью, однако водитель – громила в пиджаке, едва не лопающемся на плечах, неспешно повернулся, наставляя в его лоб второй ствол, выразительно щелкнув курком. И молодой танатос предпочел пока выжидать, не предпринимая активных действий.

Первое что он сделал, посмотрел на ноги женщины, севшей в машину. Они действительно оказались сильно уменьшены многолетним бинтованием, но по меркам местных выглядели идеально, втиснутые в крошечные туфельки, вышитые соснами и вёронами.

– Девять сантиметров? – спросил он учтиво.

– Семь, – ответила она с неуловимой улыбкой.

– «Золотые лотосы», – продолжил Феликс не совсем приличную для незнакомых людей беседу⁶.

– Именно так. – Женщина посмотрела в сторону водителя,

---

⁶ В древнем Бэйцзине тема перебинтованных ног была тесно связана с темой секса, и говорить о подобном считалось недопустимым, запретным и являлось табу для любого постороннего.

и машина медленно двинулась по улице.

Ее лицо было идеально красиво. Белейшая кожа, которой невозможно добиться ни рисовой пудрой, ни кровопусканием. Безупречный овал лица с вишневыми губами. Тонкие дуги черных бровей над пронизательными, узкими, как два черных полумесяца глазами.

Прическа – вершина парикмахерского искусства. С помощью шпилек и заколок волосы уложены в сложнейшее плетение волнами – «дракон, резвящийся в облаках».

– Куда мы едем? – «Вэйдж» неспешно полз по узкой улице, беззвучно спугивая прохожих, и те торопились уступить дорогу машине.

– Вы так торопитесь, что оставляете после себя сплошные разрушения, – промолвила бэйцзинка холодно. – Я решила вас подвезти, чтобы вы избежали больших катастроф.

– Благодарю, – откликнулся Феликс. – Чем обязан такой заботе?

Поддерживая разговор, он бросал быстрые, пронизывающие взгляды на женщину. Она сидела достаточно далеко, но если успеть протянуть руку и схватить...

Собеседница повернулась к нему, словно прочитав все тайные мысли сновидящего.

– Вы путаете плюс и минус, господин Феликс, – промолвила бэйцзинка почти дружелюбно. – Впрочем, как все танатосы. И как все танатосы игнорируете запертые, не без причины, двери... и пробиваете их насквозь.

Помолчав, она продолжила:

– Вы мешаете мне вашим неуместным, неумным энтузиазмом.

Черные, узко разрезанные глаза продолжали изучать его со спокойным интересом.

– Это ты убил обскурума Лихонга, – сказала женщина, и в ее надменном голосе, кроме утверждения, прозвучала нотка любопытства.

– Я, – подтвердил Феликс без малейшего сомнения.

Нестор не только уничтожил дэймоса, но и выдрал кусок сна, так что не осталось ни единого следа. Проверить все подробности убийства не удастся.

– Ты очень силен, – отметила сновидящая. – Но безрассуден. И недальновиден. Устранил всего лишь исполнителя, но оставил господина. Надеешься занять место слуги?

Феликс молча смотрел на бэйцзинку. Вполне возможно она всего лишь провоцировала его. Ждала, когда он допустит ошибку.

– Такие, как я, не служат.

– А что же делают такие, как ты? – черные глаза откровенно смеялись.

Однако дуло пистолета, по-прежнему направленное в его сторону, не вызывало желания присоединиться к поединку остроумия.

– Как ты выследила меня?

Она не ответила, и вдруг сделала удивительную вещь, про-

тянула руку и легко коснулась щеки Феликса кончиками пальцев.

– У нас общие враги, феристис Феликс.

Он не показал ни удивления, ни замешательства, услышав это.

– ...Ланиинг повезло, – сказала она тихо. – Мы так думали. Она вышла замуж за человека из Полиса. Значит, она в безопасности. Но ошиблись. Даже это ее не спасло.

Дэймос перехватил тонкое запястье.

– Вы знали мою мать?

– Знала, – ответила женщина, не делая попыток освободиться. – Мы встречались.

– Где и когда?

– Нас осталось не так много, чтобы удавалось избежать встреч или хотя бы слухов о судьбе друг друга.

Машина уже давно вырвалась из паутины дворов и улочек. И теперь неслась по широкому проспекту к площади Небесного безмолвия в потоке таких же автомобилей. Сегодня проезды не перегородили, значит, парадов не намечается.

Феликс больше не спрашивал ни о чем. Если уж таинственная красавица решила на похищение, пусть сама и объясняет, что именно ей от него надо. Женщина тоже молчала, прилипнув взглядом к его лицу.

– Сейчас весьма уместно будет сказать, что я очень похож на мать, – не сдержался дэймос от легкого сарказма.

– Ты похож на отца, – парировала та невозмутимо. – Но кровь Бэйцзина сильна в тебе.

«Вэйдж» свернул к тихому скверу, вдоль которого тянулась решетка парка.

«Она не ламия, – подумал Феликс. – Те наглые и жадные. Слишком смела для вкрадчивой крадущей. Может, гурия?». В том, что бэйцзинка – сновидящая он не сомневался ни секунды. Слишком много знает.

Впрочем, искусителей он еще не встречал, сравнить было не с чем. Дэймос никак не мог понять, с кем имеет дело, и это начинало раздражать.

Сплошная решетка парка оборвалась современными воротами. Они медленно распахнулись, как два сетчатых крыла, пропуская машину, и захлопнулись, едва автомобиль въехал внутрь.

Роскошный дом, почти дворец, стоял в глубине сада.

Автомобиль затормозил перед тремя ступенями, ведущими на первую открытую террасу.

Четырехгранные колонны, выточенные из дерева, поддерживали крутой скат крыши. Буйство тончайшей резьбы шло по конькам и на стыках кровли. В кружеве перил переплетались драконы и фениксы.

Феликс выбрался из салона, забыв о том, что все еще находится под прицелом. Обошел машину, не отводя взгляда от прекрасного дома, и подал руку женщине, аккуратно ставящей на землю крошечные ноги. Она не отвергла его вни-

мание, поднялась, опираясь на локоть дэймоса, и повела его к дому.

Охрана следовала за ними по пятам. Но не мешала.

На террасе слышался перезвон бронзовых ветряных колокольчиков. Мелодия, которая не может надоест. Через галереи, украшенные богатой росписью, они шли в жилые покои. Каждая комната выглядела законченным произведением искусства. Высокие вазы с дымчато-синими пейзажами стояли на полу, и свет, искусно направленный на них, высвечивал сосны, водопады и облака.

Запахи сандала и лотоса тянулись в воздухе будоражащими длинными шлейфами. Одна из ароматниц – драконы, свивающиеся вокруг заветной жемчужины – стояла на лакированном столе в глубине очередной комнаты. Сквозь искусные прорези в бронзе вылетали дымные кольца, которые тоже обращались в драконов и долго преследовали дэймоса и красавицу.

Через окна, закрытые кружевом решеток, падали лучи рассеянного света, на полу лежал переплетенный узор теней... Шагая по нему, танатос ощущал, как тонкие полосы тепла и прохлады, чередуясь, падают на лицо. В какой-то миг ему показалось, что за одной из таких деревянных сеток стоит кто-то и смотрит на него. Но едва он повернулся, понял, что ошибся. Это лишь показалось.

Феликс жадно смотрел по сторонам. Его всегда тянуло к роскоши. Но это была не жажда обладания недоступным,

он просто знал, что все это должно быть его.

Полутемные комнаты с панорамными окнами, выходящими в сад, раскрывались одна за одной, как шкатулки с сокровищами.

Возле скульптуры, выточенной из бивня, он застыл, пораженный тонкостью работы. В вихре волны взмывала вереница лодок и каждая тянула сеть, в которой запутывались рыбы.

– Нравится? – спросила бэйцзинка, проницательно глядя на него.

– Да. Это прекрасно.

– Тогда ты оценишь вот эту гравюру...

Она как будто специально вела его, показывая все новые и новые красивые, изысканные вещи. И наблюдала за реакцией.

А когда его впечатления начали зашкаливать, остановилась в большом зале.

Низкий столик уже был сервирован. Две чашки с зеленым чаем. Судя по цвету и аромату – белый улунг. Тут же стояли мелкие безделушки: на подносе резной футляр для курительных палочек, несколько нефритовых печатей в виде зверей, пепельница...

Женщина изящно опустилась в низкое кресло. Феликс сел на диван, черная кожа его была потерта, но это были следы времени, а не дешевой подделки. Впрочем, здесь все выглядело дорого.

– Вам нравится, что происходит в Бэйцзине, феристис? – начала сновидящая светскую беседу. Явно издалека.

– Нет, – ответил он резко.

– Отчего же? – поинтересовалась она вкрадчиво и изящно взяла свою чашку. – Прежняя система правления аристократии сломлена, мы идем к тем же принципам народовластия, что и в Полисе. Вам это должно быть близко.

– Я не слишком долго жил в Полисе, – сказал Феликс честно. – И я не принимаю принцип равенства всех со всеми. Я точно не равен мороку или крадущему, что уж говорить о простых людях. Да и вы, госпожа, вряд ли сравнитесь с деревенской работницей. Может быть в Полисе как-то по-особому решают этот вопрос равенства. Может быть, у них получается. Я не успел разобраться. Да мне это и не интересно. А вы пригласили меня поболтать о политике и экономике?

Она пропустила мимо ушей его дерзкий выпад. На вишневых губах сновидящей витала легкая улыбка.

– В том числе и об этом, феристис. Недавняя революция уничтожила всю прежнюю систему, работавшую тысячами. К власти прорвалась дикая, необразованная и жадная свора. Правительство, в страхе потерять власть, натравливает друг на друга разные слои населения, отвлекая их от истинных проблем. Придумывают врагов там, где их нет, уничтожают думающих, образованных людей. Таких, как твой отец. Мастера снов Бэйцзина – наши враги.

– Мастера снов всем враги, – буркнул Феликс, вспоминая

разговор с Нестором, который вынужден был осторожничать из-за постоянной опасности нарваться на охотника.

— Официальные представители сновидящих нашего общества слабы и бессильны. Те же марионетки на службе системы. Видят то, что им прикажут, и ловят тех, кого уже загнали. Прикормлены властями и дэймосами, которые сейчас руководят правительством. Или запуганы ими. Впрочем, большинство, чести ради, просто убиты.

Танатос внимательно посмотрел на женщину, позволяющую себе все более категоричные высказывания.

— А вы хотите избавиться от этих дэймосов, чтобы самой руководить слабыми мастерами снов?

— У нас нет достаточных ресурсов, чтобы вступить в конфликт со столь мощной силой, — отозвалась она сдержанно. — Я наблюдала за тобой, феристис. Мы можем быть полезны друг другу. Твоя сила танатоса и наша информация.

— И что же вы готовы мне предложить? — спросил Феликс.

Женщина потянулась к столу и придвинула к темному сновидящему пепельницу. Старинная, вылитая из серебра, но рисунок в ней — эмалевая вставка — был современным. И очень искусным. Красивая, утонченная бэйцзинская девушка смотрела на дэймоса из-под полуопущенных век. Длинные черные волосы перекинута на обнаженное плечо. На лице выражение утонченного равнодушия.

Как будто она была не из этого мира, принадлежала сновидению. Но не Гипносу, а его брату Танатосу.

– Это моя дальняя родственница Янлин Юэй. Ты уже был в заведении Ли. Она работает там.

– Работает?

– Принимает клиентов. Она очень популярна.

– Потому что принадлежит к древнему аристократическому роду Юэй? Так же как и вы, госпожа?

Она помолчала и спросила вновь:

– Ты когда-нибудь курил опиум, феристис?

– Нет.

– В глубоких подвалах заведения госпожи Ли большая опиумокурня. Притон. Который также весьма востребован.

Дэймос снова посмотрел на портрет. Девушка курила опиум. Вот откуда этот затуманенный, плывущий, подернутый грезами взгляд. Бледность кожи, напоминающей тонкий фарфор.

– Ее посещают самые разные клиенты, – многозначительно продолжила женщина. – Бывают очень необычные.

– Вы поддерживаете с ней связь? – Феликс отвел взгляд от прекрасного лица опиумной курильщицы.

– Нет. Это было бы опасно. Как я уже говорила, мы не настолько сильны, чтобы тревожить ее сон и навлечь опасность на себя и на нее. Но ты мог бы встретиться с ней, феристис. И, думаю, узнал бы много интересного.

Молодой танатос посмотрел на сновидящую.

Перспектива, которую она раскрывала перед ним, была весьма соблазнительной. Молодая красивая аристократка,

с которой спят «необычные» клиенты. Если покопаться в ее подсознании, можно найти много ценного.

– Ты желаешь мести, а мы справедливости, – сказала сновидящая, правильно расшифровав его внимательный взгляд.

– Как вы обнаружили меня? – спросил он, решив, что пока не получит ответ на этот вопрос, ни о каком сотрудничестве речи быть не может.

– Мы наблюдали за Чженом, писателем. Которого ты убил.

– И в его подсознании – наследить не боялись?

– Там было слишком много блоков, на грани безумия. Легко скрыться в тени искореженного восприятия.

– Аристократка, знакомая моей матери, состоящая в родстве с проституткой и курильщицей опиума, недовольная новым режимом Бэйцзина... – перечислил Феликс с легкой насмешкой, – сновидящая, пытающаяся завербовать танатоса и признающаяся в своей слабости. Кто вы на самом деле? Гурия? Тоже охотитесь?

Она молчала довольно продолжительное время, лицо ее стало непроницаемым как прекрасная маска, умело расписанная искусным художником. Затем яркие губы дрогнули.

– Как я уже говорила, феристис Феликс, вы путаете плюс и минус. Я лиджуан. ...Харита.

От неожиданного признания он несколько мгновений молча смотрел на женщину, затем откинулся на спинку дивана.

– Харита?!

– У вас нет большого опыта общения с мастерами сна? – бэйцзинка рассмеялась нежно и пленительно, словно один из колокольчиков в ее прихожей.

– Вы первая, кого я вижу, – пробормотал он озадаченно. – Харита, которая вступает в сделку с дэймосом. Я ваш враг, а не мастера снов...

– Ты смотришь на вещи слишком просто. Кроме мира иллюзий, есть еще и реальный мир, Феликс. В котором ты – сын Ланиинг. В тебе течет кровь хуанди⁷ Вэй Ши-хуана, из рода которого происходила твоя мать. И мои предки. Власть в Бэйцзине теперь принадлежит плебеям, которые убивают таких, как мы. И вопрос, возможно, даже не в том, что мы с ними классовые враги. Они просто слабы. Они ничего не могут изменить. Да и мы можем только наблюдать. Мы упустили ситуацию внутри своего общества. Многих из нас убили обычные люди, и не за то, что мы можем управлять их снами. А за то, что мы – старая аристократия. И я имела в виду мастеров сна Бэйцзина, которые поддержали это.

Феликс взял чашку, которую игнорировал до этого, и выпил остывший ароматный напиток одним глотком.

– «Лиса использует силу тигра», – озвучил он древнюю бэйцзинскую идиому времен Воюющих царств. Имея в виду под тигром себя, который распугает всех тех, кто попытается напасть на «лису» – хариту.

---

⁷ императора.

– «Заменим мечи и копья на шелк и нефрит», – ответила сновидящая мягко. И в этих словах тоже был смысл.

– Теперь я понимаю, почему вы водили меня по этому дому. Смотрели, не возникнет ли у меня желания, как у хунвэйбина, уничтожать предметы старины. И все эти разговоры о социальном устройстве. Я оправдал ожидания?

Она улыбнулась ему.

– Чего вы хотите на самом деле, госпожа...

– Киа, – назвала она наконец свое имя. – Мы хотим вышвырнуть дэймосов из Бэйцзина. Поставить на место мастеров сна, стоящих, как им кажется у власти, но на самом деле являющихся марионетками, удержать наш конгломерат от падения на дно бездны, куда он так стремительно летит.

– И для этого вам нужна моя помощь?

– И для этого нам нужна помощь, феристис. ...Феликс.

На той же самой машине его довели до гостиницы. Всю обратную дорогу Киа молчала. И лишь в самом конце пути произнесла:

– Я бы хотела дать тебе несколько уроков, если ты не против.

– Уроков? – Феликс не рассмеялся лишь потому, что вспомнил о вежливости. – И чему меня может научить харита?

– Тому, как сотрудничать с мастерами снов, не выдавая твою истинную суть.

Танатос лишь пожал плечами. Эти уловки казались ему бессмысленными. К тому же, он не верил в способности создательницы снов.

Черный «вайдж» остановился в переулке, и охранник открыл перед танатосом дверь.

– Госпожа свяжется с вами, – сказал он вежливо.

Поклонился, снова уселся за руль и укатил.

Товарищи по команде еще не вернулись со своих экскурсий. И Феликс беспрепятственно добрался до номера.

Рухнул на кровать...

А затем открыл глаза.

За окном пробуждался Бэйцзин. Хлопали двери, звучали веселые голоса. Долетел обрывок разговора:

– Феликс идет с нами?

– Нет, решил еще поспать.

– С ним точно все нормально?

– Если так беспокоишься, пойди и спроси его сама!

Разговор стих. А дэймос продолжал лежать на спине, глядя в потолок.

Сон! Все, что произошло с ним. Встреча с госпожой Киа, поездка на машине в прекрасный дом, долгая беседа. Все это было сном. Искусным, неотличимым от реальности.

– Харита! – выдохнул танатос, не зная, чего он испытывает больше, злости на то, как легко его одурачили, или восхищения талантом сновидящей.

Но вместе с тем, она передала ему бесценные сведения.

Значит, притон госпожи Ли.

Феликс вновь встал с кровати и поспешил пройтись по тому же кругу. Одеться, умыться, взять всю имеющуюся наличность. В какой-то миг он снова ощутил некую раздвоенность. Возникло ощущение, что это опять сон. Избавиться от него было довольно трудно.

Талант хариты начал представляться совсем в другом свете. Может и есть смысл поучиться ее хитростям. Размышляя об этом, дэймос вышел из номера, и тут же столкнулся с победительницей первого дня турнира. Хорошего в этом было лишь одно. Осознание того, что теперь все происходящее не сон. Вряд ли госпожа Киа засунула бы в сновидение эту растрепанную Артемиду.

– Ты все-таки решил выйти? – спросила девушка дружелюбно. – Я так и подумала, что ты не усидишь в доме. Если хочешь, мы могли бы...

– Мия, – чрезвычайно вежливо ответил Феликс. – Сделай одолжение, оставь меня в покое.

Она тут же вспыхнула негодованием.

– Если ты злишься за то, что не получил первое место, это глупо! Надо было больше тренироваться или хотя бы спать ночью!

– Да мне плевать, – рассмеялся молодой танатос в ответ на это нелепое предположение. – А теперь, извини, у меня дела.

Он обошел девушку, словно неодушевленный предмет,

и направился к выходу.

Глава 4

Девушка, курящая опиум

До заведения госпожи Ли Феликс хотел доехать на такси, чтобы не терять время. Уже совсем было поднял руку, стоя на краю тротуара, тормознуть автомобиль с приметной полосой и символикой бэйцзинского перевозчика, но передумал. Мысль о том, что придется отдавать водителю деньги, которые он держал в руках, остановила. С этой паранойей надо было что-то делать. Но пока никакого рационального плана на ум не приходило.

Дэймос пошел пешком, в этот раз изменив маршрут. Не через парк, а задворками. Где картина мира являла совсем иную сторону. По тесным улочкам было расставлено много мусорных баков и к их специфическому запаху густой приправой добавлялся чад из вытяжек дешевых забегаловок нижних этажей.

Здесь он случайно наткнулся на безымянный храм, зажатый между высотными блочными зданиями. Две небесные собаки, охраняющие вход, выглядели задумчивыми и недобрыми, словно всерьез решали, не пора ли покинуть заброшенный людьми дом духов. Штукатурка на его стенах растрескалась и кое-где обсыпалась, алая с золотом краска росписей облезла.

Еще одно печальное зрелище упадка Бэйцзина.

В магазинчике не было ни одного посетителя.

Звякнул колокольчик и владелица заведения вышла на встречу Феликсу. Ее гостеприимная улыбка тут же увяла. На лице под слоем косметики проступили два красных пятна. Она сама стала похожа на старый храм с штукатуркой, готовой осыпаться со стен.

– Что тебе еще нужно? – спросила она торопливо и нервно. – Я сказала все, что знала!

– Не волнуйтесь, госпожа Ли, – вежливо отозвался Феликс, – никаких дел сегодня. Я пришел отдохнуть.

Она хмурилась, внимательно разглядывая дэймоса. Ее рука невольно потянулась к лорнету, словно через увеличивающее стекло она могла прочесть тайные помыслы неудобного гостя. Танатос видел ее метание между страхом и служебным долгом. И они порядком его забавляли.

– Как именно ты желаешь развлечься? – наконец осведомилась хозяйка салона сухо.

Профессионализм победил.

– Янлин Юэй, – ответил Феликс, – вот мое развлечение на сегодня.

Женщина моргнула удивленно. В ее взгляде, метнувшемся из стороны в сторону, явственно читалось опасение и попытка понять, чего же действительно желает клиент. Однако она не стала ни о чем спрашивать. Быстро взяла себя в руки

и указала на проем, закрытый бамбуковой сеткой.

– Прошу.

Дэймос пошел за ней. Узкий коридор, едва освещенный красными фонариками, переходил в другой, такой же полутемный. Здесь стало слышно, как где-то вдали гремит посуда и доносятся приглушенные голоса.

– Почему так пусто? – спросил Феликс, шагая следом за хозяйкой.

– Обычно гости приходят поздно вечером, – ответила она сдержанно. – Ты желаешь чего-нибудь... особенного?

– Того, что находится у тебя в подвалах.

Женщина покосилась на гостя, и на этот раз в ее глазах дэймосу почудилась насмешка.

– Желание клиента – закон, – откликнулась госпожа Ли и, дойдя до конца коридора, отодвинула неприметную ширмочку, сливающуюся почти полностью с панелями резной стены.

Феликс понимал, что содержательница притона ни за что не стала бы возиться с чужаком. Она боялась Нестора. Того, что старый дэймос мог сделать с ней, даже на расстоянии.

Когда одно из длинных деревянных панно отошло в сторону, за ним открылась темная лестница, ведущая в полумрак, изрезанный красными тенями.

Молодой танатос начал спускаться, и чем ниже оказывался, тем сильнее становился запах. Сладкий, почти приторный, душный дымок. Обволакивающий, с вкрадчивой назой-

ливостью текущий в ноздри при каждом вдохе. Сначала Феликс оценил его как лишь слегка неприятный, затем тот стал казаться все более отвратительным, и в то же время, признаться, присутствовало в нем нечто притягательное. Опасное и гипнотическое, как в скольжении змеиноного тела.

– Я должна предупредить, – тихо сказала госпожа Ли, не оборачиваясь. – Я выполню твое желание, но за последствия не отвечаю.

– Мои дела тебя не касаются, – откликнулся Феликс.

Лестница закончилась на пороге огромного зала с низким потолком.

Лампы для приготовления чанду сияли волшебным светом. Он преломлялся сотнями лучей, и клубы дыма парили в них, словно волшебнейшие драконы. Свивались кольцами, растягивали длинные тела под потолком – чтобы упасть вниз и рассыпаться тонкими водопадами дымных волокон.

Здесь были люди. На низких кушетках, установленных рядами, лежали курильщики. Неподвижные расслабленные тела: единственное осмысленное движение, которое они совершали – подносили ко рту мундштуки длинных трубок.

Бледные лица, полузакрытые глаза, бессильные руки... покой, безмятежность, как во сне.

Навстречу госпоже Ли и Феликсу вышла немолодая женщина, поклонилась гостю, вопросительно взглянула на хозяйку, та шепнула ей что-то на ухо. Служанка поклонилась еще раз и произнесла по-бэйцзински:

– Следуйте за мной, молодой господин.

Дэймос кивнул содержательнице притона, сдержанно благодаря за помощь. Она развернулась и величественно удалилась, оставив гостя в царстве опиума.

Феликс шел между курильщиками, ловя себя на том, что дышит глубоко и размеренно, стараясь как можно глубже втянуть в себя приторный дым.

Тихое дыхание, редкое сонное бормотание, потрескивание язычков пламени в лампах сопровождало его путь. Иногда слышалось слабое постукивание трубок о курительные чаши.

Один из курильщиков взглянул на него – излишне пронизательно для наркомана, витающего в маковых грезах. Феликс отметил это.

Мастер приготовления чанду сидел в глубине зала, за ширмой, готовя таблетки опиума. Новые порции волшебного зелья. Он не обратил внимания на очередного гостя, выпаривая наркотик над лампой.

За большим залом тянулся коридор. В него выходили десять дверей, над каждой висел фонарик. Все были потушены кроме одного.

Сопровождающая привела дэймоса к самой последней комнате, открыла перед ним резную створку и с поклоном ушла.

Феликс шагнул внутрь. Густой, жаркий, приторно-душный воздух окатил его, облепил с ног до головы. Клейкими

объятьями проник под одежду и запутался в волосах.

Стены здесь были покрыты украшенными традиционной резьбой панелями, на низком столике стоял поднос с изысканными приспособлениями для курения. В переливчатом свете виднелась низкая кушетка, прикрытая леопардовой шкурой. У стульев подлокотники красного дерева. Каждая деталь напоминала продолжение сновидения Киа. Однако вызванного не силой хариты, а магией морфина.

Но все это он разглядел позже.

...В реальности она оказалась еще красивее, чем на портрете.

Девушка сидела за столиком перед зеркалом. Неподвижная, замороженная своим отражением. Заключенное в раму, казалось, оно крепко держит ее, не давая даже шевельнуться.

– Янлин, – тихо произнес Феликс.

И звук его голоса разбудил ее. Она повернулась медленно, плавно. Распахнутый на груди халат из тончайшего шелка мягко зашелестел и потянулся за ней алым шлейфом, когда девушка поднялась. Она была ниже дэймоса на полторы головы, тонкая, изящная. Кроме банального сравнения с фарфоровой статуэткой ничего не приходило на ум. Казалось, белая кожа светится в полумраке, а полуприкрытые глаза все еще видят не эту реальность, нечто другое.

Холодная рука коснулась груди Феликса, мягко заставляя его опуститься на кушетку.

– Я видела тебя во сне, – произнесла она, проводя кончи-

ками пальцев по лицу танатоса.

Ее голос не был мелодичным и чисто-звонящим, как у канонных бэйцзинских красавиц. В нем сквозь бархатную глубину звучала легкая надломленность.

Янлин села Феликсу на колени, потянулась и взяла фарфоровую трубку с нефритовой чашечкой, затянулась и наклонилась к его лицу. Прохладные губы плотно прижались к его губам, и поток обжигающего дыма полился из ее рта в его рот. Мягко ударил в голову. Начал дурманить. Под руками дэймоса тело девушки стало вдруг горячим, словно жар его ладоней начал обволакивать ее.

– И что же тебе снилось? – Феликс с трудом перевел дыхание, когда она отстранилась.

Он не ждал ответа, просто хотел услышать вновь этот приглушенный, вкрадчивый голос.

Но курильщица промолчала. Скорее всего, не слышала вопроса, а начала уплывать в мир своего бога. Глаза подернул туман, почти равнодушие, и дэймос встряхнул ее слегка, возвращая обратно в реальность. Сжал тонкие плечи, бросил на леопардовое ложе. Заглянул в зрачки, не реагирующие на свет – там, в глубинах ее взгляда, за пустотой бился страх, затянутый наркотической дымкой, но готовый прорваться на поверхность. Далекий и притягательный.

Легкая ладонь снова коснулась его лица, скользнула на грудь и быстрые пальцы начали расстегивать рубашку.

Феликс, не мешая ей, потянулся и взял трубку, гладкий

фарфор, разрисованный цветами и птицами, удобно лег в руку. Глотнул душного дыма и понял, что начинает растворяться. Мысли уплывали, но настойчивые прикосновения Янлин вновь и вновь возвращали дэймоса в реальность. А потом все переплелось. Явь и наркотический бред. Цвета начали звучать, запахи приобрели физические ощущения. Танатос видел, как вращается вокруг калейдоскоп драгоценных камней, и самый главный – изумруд опия – медленно погружался в его грудь. Красные, зеленые, желтые отблески окружали лицо девушки неземным светом.

Удовольствие и туман приближающегося глубокого погружения начали захлестывать и колоть все тело. Время больше не имело значения и приказ, раскрывающий мир снов, не понадобился.

Феликс открыл глаза. Вернее, он и не закрывал их – просто зрение прояснилось, словно морфин убрал пелену.

Янлин шла далеко впереди. Медлительно... Будто вслепую нащупывая путь на каменистой дороге, а шлейф ее одежд тянулся и тянулся за ней бесконечной лентой. Девушку вел за руку человек. Высокий, в зеленом костюме, отдаленно напоминающем одеяние бэйцзинского богатого вельможи прежних эпох. И этот весенний цвет издавал звуки гучиня. Мужчина оглянулся на дэймоса. Его лицо оказалось сморщенным, покрытым вертикальными складками.

«Морфин, – подумал Феликс. – Еще один бог снов... наркотических сновидений».

Он следовал за этой странной парой, не приближаясь, но и не выпуская из вида.

Танатос не заметил, когда мир вокруг начал меняться. Воздух и земля оказались сложены из осколков разноцветных камней. Те перемешивались и укладывались в фантазмагоричные картины, разбивающиеся а затем сливающиеся во все новые и новые образы. Два лица, смотрящие друг на друга, мужское и женское или... едва ли человеческие: наполовину звериные, со львиными носами и золотыми цепочками, исполосовавшими кожу. Нет, уже не лица, морды... драконов или древних рептилий...

Один из ликов повернулся к дэймосу и сплелся в очертания птичьих крыльев над ястребиным клювом и лисьими глазами. Фантазмагория вспыхнула.

Кристаллы наталкивались друг на друга, создавая музыку. Долгие тягучие ноты распускались травянисто-зелеными, салатно-прозрачными и опалово-туманными звуками. Мелодии, рождающиеся из них, рисовали алыми штрихами все новые и новые тропинки. Те вели в небо и под землю, где с шелестом свивались очередные безумно-прекрасные композиции.

Феликс смотрел себе под ноги и видел город. Крыши высотных зданий, торчащие острыми шипами из моря, образовали рисунок. Океаническая раковина, туго скрученная спираль, шепчущая волнами и песком.

Танатос пошел по ней, давно потеряв из виду Янлин.

По ходу он отмечал пути, ведущие куда-то за грань сознания, за горизонт, но едва осознанно, почти машинально.

Один был особо уклончивым. Он выскальзывал из-под ног, пытался зарasti высокой колючей травой или утонуть в болоте, но в итоге разлетелся роем черных ос, закрутился в воронку, из которой звучал долгий тягучий гул.

Феликс шагнул в нее до того, как насекомые рассеялись в воздухе. Ощущение легкой дезориентации сменилось грозным ревом. На юного танатоса неся паровоз. У гигантской машины была шея лебедя, заканчивающаяся змеиной пастью, извергающей пламя, колеса сложены из закрученных в дуги костей. Суставчатое тело грохотало по шпалам, возникающим из пустоты.

Феликс заскочил на подножку, пробивая мираж насквозь, и оказался внутри дребезжащей, старой региональной бэйцзинской электрички. Она была забита вещами и людьми. В центре вагона, отвернувшись к окну, сидела девушка. Очень худая и явно местная.

Дэймос увидел цепочку на ее руке, тонкие звенья тянулись через весь состав и уходили куда-то, теряясь. Феликс подхватил серебряную нить и направился по ней. словно пробираясь через лабиринт Минотавра. Шаг за шагом, кольцо за кольцом. Сквозь грохот и покачивание вагона дальше и дальше. Через смутные видения и острые грани сна. Они раскрылись, выпуская его в купе первого класса. У толстого стекла почти во всю стену – замерла девочка в нарядном

платье. Она опиралась локтями о стол, а коленями о мягкое сидение и смотрела, как мимо медленно проплывают горы Чжанчжансе. К девочке подошел мужчина, погладил по голове, оглянулся на женщину в вечернем платье... Счастливая, состоятельная, благополучная семья.

Феликс потянул цепочку дальше – и за ней начали размазываться другие образы.

Он стоял по щиколотки в пепле. Серые легчайшие хлопья взлетали в воздух от любого неосторожного движения. Словно здесь рассыпались в прах сотни невозродившихся фениксов, или тысячи несбывшихся надежд.

Послышался тревожный гудок. Ударная волна смела пепел, и Феликс увидел, что под его ногами лежат рельсы, также сложенные из костей. По ним навстречу юноше снова несясь состав, светили алые сигнальные огни, из трубы вырывались плевки жирного черного дыма.

Феликс не шевелился и – смотрел. Подмечал мелкие детали. Штрихи к портрету неизвестного. Дэймоса? Вполне возможно, дэймоса по цели, но не по сути. Дымок опиума убрал мутную дымку условностей человеческого разума, позволил осознавать происходящее с нового ракурса. За миг до столкновения, поезд, вырвавшийся из кошмара Аида, разлетелся вдребезги.

Феликс оказался в своем доме. Гостиная освещена косо падающими утренними лучами. Блики от фотографий на ка-

мине спелят быстрыми вспышками.

Ему понадобилась пара мгновений, чтобы понять – это не его дом. Похож. Но другой. И на фото чужая семья. Изящная женщина, солидный мужчина и двое детей. Мальчик и девочка.

Пронзительный взгляд Феликса выжигал их, заставляя глянцевою бумагу скручиваться, оплывать, покрываться язвами. А, может, цветные картинки пожирало что-то изнутри? Скрытое за спинами респектабельного бэйцзинского семейства? Танатос ощутил запах гари и вонь тлеющего мяса. В лицо ударил горячий воздух с привкусом мелкой обжигающей пыли.

Дом горел.

Сквозь вкрадчивый шелест пламени слышались женские крики и плач.

Феликс повернул голову, наблюдая за тем, как мимо него два сопящих человека протащили труп мужчины. Каблуки ботинок чертили красные полосы по полу. Рубашка задралась, выбившись из брюк, на светлом животе глубокие раны. Женский крик стал громче. Феликс увидел: ее волокли за длинные черные волосы, а она пыталась расцарапать руку мужчины, но он лишь смеялся, щерясь. Туфель слетел с ее ноги, на чулке расплзалась дыра. Все эти мелкие детали цеплялись острыми рыболовными крючками за его память. А потом статисты расступились – и перед дэймосом появилась главная героиня. У нее одной было имя. Янлин.

Девочка стояла неподвижно. Застывшая, бледная и жизнь была лишь в ее черных глазах. Словно сквозь белую маску смотрел хищный зверь, готовый впиться острыми зубами в любого, кто приблизится.

Она и вцепилась. В руку схватившего ее. Тот выругался от боли и с размаху ударил ее по лицу, заставив разжать зубы. Девочка упала. Сжалась, защищаясь от удара ногой.

Феликс смотрел на нее.

Перед ним разворачивался не просто эпизод воспоминаний о прошлом, не только надорванное подсознание, он видел разрушенную жизнь. Янлин потеряла все самое дорогое, и больше ей не было нужно ничего в этом мире. Уйдя в опиум, она получила спасительное забвение.

Во всем этом танатос узнал себя. Он был также молод и беспомощен, когда сломалась его жизнь. Он также стал марионеткой в руках сильных, жестоких и беспринципных. Ее растили как прекрасный цветок, он был бойцом. Вот только не все мальчики, или даже взрослые мужчины могут драться, чтобы победить. Их уничтожают, так как это, с известным исходом не бой, а бойня. Иногда сгинуть в этой бойне обречены целые поколения. По сути, для того их и выращивают...

Феликс был рад, что он не такой, как эта девушка. Что он темный сновидящий, а еще – убийца. И... что есть Нестор. Потому что, на самом деле, если быть абсолютно честным с собой: без старого танатоса он бы не выжил. Сдох в та-

кой же, или подобной, клетке. Как гибнет сейчас Янлин.

«Я отомщу за тебя» – подумал он и эта беззвучная мысль уплыла куда-то прочь, развеялась в пустоте опиумного мора.

Феликс отвернулся, теперь его внимание было целиком сосредоточено на путях, ведущих в миры других людей, связанных с девушкой.

Несмотря на одуряющее воздействие макового бога, танатос четко помнил стоящую перед ним задачу. Ему нужно найти того «гостя» Янлин, реального человека, который находится в правительстве Бэйцзина и при этом связан с дэймосом, диктующим «правила» этому самому правительству. Через него можно зацепить. Одного из них. Хотя бы начало пути... направление.

Госпожа Киа говорила, что не смеет тревожить сон Янлин, чтобы не навредить ей. И, более того, знала, что дэймос сможет выследить саму хариту и остальных мастеров сна, верных ей. Феликса возможная встреча с создателем кошмаров не беспокоила. Даже если его обнаружат в подсознании девушки, он сможет защититься. Или договориться. Изначально дэймосы не бросаются друг на друга, если только не являются врагами, как он с Лихонгом. Выгода для них всегда на первом месте.

А еще мелькнула мысль о том, что путь от Янлин к нему не будет открыт долго. Скоро она умрет. В такой жизни не задерживаются...

Паутина троп в подсознании девушки была весьма перепутанной, половина оборвана, часть ярких и широких дорог заканчивались глубокими пропастями. Остальные – серые, тусклые, заполненные болотно-зеленым туманом – тропинка к госпоже Ли, двум работникам притона, нескольким постоянным клиентам... Феликс быстро, едва касаясь, «листал» открывающиеся перед ним миры снов. Держал в памяти наиболее перспективные и отбрасывал ненужные. И, наконец, узкая колея, лужи в которой отсвечивали рдяным. Кровавый ход тянулся к тому самому объекту. Дэймос в конце пути. Молодой танатос не стал соваться к нему, достаточно того, что увидел. Можно было уходить...

Феликс вышел из сна, и первые мгновения не мог понять, что он уже в реальности. Струился дым под потолком, свиваясь в белые медленные кольца, горели алые злые точки глаз. Помаргивали и жгли колючими взглядами. Сгорбилась бесформенная тень у стола. Танатос поднял руку, провел по векам, моргнул – и морок рассеялся. Дым стал просто дымом. Красные глаза – огнями светильников, силуэт – всего лишь тенью от резного шкафа.

Феликс повернул голову. Янлин еще спала. Белое лицо в обрамлении черных волос, казалось, сияло в полумраке словно жемчужина. Он увидел несколько тонких продольных порезов на ее шее. Совсем зажившие, едва заметные, недавние бледно-розовые, и один свежий – красный.

Странное, непривычное чувство колыхнулось в груди.

Наверное сочувствие. Или понимание... Он понимал, что для этой девушки мир наркотических снов был единственным спасением от рассыпавшейся в прах реальности.

Несколько секунд Феликс смотрел на тонкую, беззащитную шею. Одно аккуратное нажатие и ее сон плавно перейдет в смерть. Янлин этого даже не заметит. Переплывет из одной грезы в другую и рассеется опиумным дымком.

Вместо этого дэймос поднялся и принялся одеваться, подбирая разбросанную одежду. Отметил непривычную слабость, расслабленность в теле, приглушенность ощущений...

Выйдя из комнаты, плотно закрыл за собой дверь и снова вернулась к нему прежняя жесткая, упрямая мысль: если бы эта девушка принадлежала ему, он забрал бы ее, держал взаперти как ценный трофей – и Янлин больше никто не посетил украдкой, пользоваться словно запретной вещью из разряда изысканных произведений искусства, подлежащих уничтожению.

В опиумокурне все было по-прежнему: дымно, душно бормотали невнятные голоса... Некоторые посетители пытались вступить в беседу друг с другом, но похоже видели рядом не живых людей, а туманные иллюзии.

Пожелтевшие одутловатые лица с неподвижными взглядами были похожи на фрагменты старого, скучного сна.

Феликс прошел мимо. Никто его не заметил и не остановил. Госпожи Ли на месте тоже не оказалось. Вполне воз-

можно, затаилась где-то, чтобы не встречаться еще раз с молодым, настырным гостем из Полиса.

Танатос вышел на улицу и жадно глотнул свежий воздух. После душной курильни кислород хлынул в легкие ледяной водой, смывая мутную ряску опиумных трясин.

В голове слегка прояснилось. Врожденная осторожность дэймоса буквально закричала об опасности. Феликс принял-ся лихорадочно вспоминать, к чему он прикасался. Курительная трубка? Светильник? Серьги Янлин?.. Усилием воли приказал себе успокоиться. Смешно думать о мелочах, после всего, что произошло. Феликс невольно оттянул воротник куртки, переводя дыхание, и улыбнулся... она вся – его вещь.

До гостиницы он добрался, размышляя о том, как связаться с госпожой Киа. Личных предметов для связи родственница матери не оставила. Ждать, когда появится сама? Найти ее дом и встретиться в реальности? Вот это затруднительно. А расспрашивать опасно.

– Хариты! – пробормотал с досадой танатос. – Вечно наводят туман в ясный день.

Он понял, что говорит вслух, да еще и по-бэйцзински. Заставил себя сосредоточиться. Такое, значит, оно – воздействие Морфина.

– Уж лучше быть приверженцем Мома, чем этого макового бога.

Тут же в голову полезла ненужная цепочка ассоциаций

с Морфеем – Морфином – цветком мака, представился так отчетливо надрез на гладкой шее Янлин, из него вытекла не бисеринка крови, а белесая капля макового сока.

Феликс потряс головой, вдохнул глубоко и осознал, что стоит на лестнице гостиницы. А вокруг странная тишина.

Нет, тишина ему почудилась.

– Ты где был?! – налетела на дэймоса все та же неугомонная Мия. – Куда ты пропал?! Мы так беспокоились!

– Вы же на экскурсии, – ответил Феликс, разглядывая девушку, словно впервые увидел.

– Вернулись. Все отменили. Мы уезжаем. Прямо сейчас.

Она настойчиво подталкивала дэймоса в сторону двери его комнаты.

– Тренер уже собрался в посольство звонить. Тебя разыскивать...

И тут Мия заметила его бледное лицо, глаза с сузившимися зрачками, ощутила приторную душность опиума, которым была пропитана его одежда и волосы.

– Что с тобой? – произнесла лучница с тревогой. – И что это за странный запах?

– Опиум, – невозмутимо ответил Феликс.

Мия поморщилась словно от зубной боли, считая что слышит очередную неудачную шутку, и позвала:

– Леон, он здесь! Вернулся! Можем ехать.

– Куда ехать? Я никуда не поеду! Что за бред! – Заявил Феликс, выдергивая рукав куртки из пальцев Мии. Освобо-

дился и тут же попал в еще более крепкий захват.

Тренер схватил его едва ли не за шиворот и потащил по вестибюлю.

– Собирайся живо! Объявили тревогу, произошла крупная авария. Выброс хлора. Или не знаю, что там, но так говорят в новостях. Облако идет сюда. Накрыло долину. Автобус с командой уже уехал. Ждем только тебя!

Феликс выругался. Тихо, но весьма выразительно. Он не мог поехать. Не сейчас, когда так приблизился к цели.

– Часть города эвакуируется. Я еле сумел достать машину.

– Ехали бы без меня, – сказал Феликс с досадой. – Я бы сам...

Ответом ему был недоумевающий негодующий взгляд двух пар светлых глаз. Мия и Леон смотрели на него так, словно он не в себе.

Бросить своего они не могли. Ни при каких обстоятельствах.

Впрочем, рефлексировать было некогда.

– У меня нет вещей. Едем! – сказал Феликс.

Машина, которая ждала их на улице, оказалась раздолбаным белым такси с пятнами ржавчины по кузову.

– Откуда выброс? – спросил Феликс тренера.

– Завод Юнтондг.

Дэймос выразительно свистнул. Полтора миллиона квадратных метров. Город, а не завод.

Его ядовитое дыхание время от времени опускалось

на близлежащие территории, а теперь он и вовсе зашелся в чахоточном кашле. Это был тот самый Юнтондг, что Феликс видел в своем сне. Владения покойного ныне Лихонга. Дэймос сдох, но отправил жителям прощальный смертельный подарок.

Тренер сел впереди, Миа и Феликс на заднее сиденье. Юный танатос увидел стопку купюр, которые передает Леон водителю, и отметил, что эта поездка значительно улучшит бюджет бэйцзинца.

Наркотическое опьянение еще опутывало голову ватным коконом. Но врожденная осторожность дэймоса постепенно просыпалась.

– Откуда ветер? – спросил тренер таксиста, и Феликс оценил впервые, что на чужом языке тот говорит вполне прилично.

И вопрос правильный. Пока потоки воздуха, довольно сильные над этой местностью, не пригнали облако сюда, надо спешить.

Торопиться такси-развалюхе было трудно.

Но когда они ехали по пустым улицам и площадям, старый автомобиль, грохоча и скрипя, развил вполне приличную скорость. Навстречу пронеслась колонна военных машин. А Феликса вдруг пронзила отрезвляющая мысль. Ян-лин!

Он должен вернуться за ней. Мог вернуться. Еще может. Танатос оглянулся. Нет, уже не может.

С идущей в горку дороги было видно, как за ними ползет туманное низкое облако. И где-то вдали надрывно завывала сирена.

– Вода есть? – спросил Феликс Мию.

– Да, – она полезла в свой рюкзак, вытащила пластиковую бутылку и подала.

Дэймос мотнул головой, повел локтем, отводя ее руку.

– Намочи какую-нибудь тряпку, сделай повязку на лицо, – сказал с переднего сиденья тренер. – И для Феликса тоже.

– Думаете, поможет, если нас накроет? – осведомился тот. – Тут противогаз нужен и комплект химзащиты.

– Ну надо же что-то делать, – Мия сунула ему мокрую футболку из своего рюкзака.

На дороге появлялось все больше машин. И поток стремился в одном направлении. Подальше от места катастрофы.

На проспекте такси встряло в пробку. Водитель не успел свернуть, и сзади их тут же «заперли» машины других беглецов.

– Выходим! – Феликс хлопнул ладонью по спинке переднего сиденья. – Быстро!

В голове неожиданным образом возник план отступления. Он хорошо помнил этот район.

Спутники последовали за ним, и дэймос не удивился этому. Нормальная, разумная тактика выживания. В зависимости от обстоятельств лидером становится тот, кто умнее,

сильнее, или осведомленнее.

Мия, затягивая повязку на нижней части лица, лишь спросила:

– Ты знаешь, куда идти?

Феликс молча указал в сторону одной из улочек. Девушка вопросительно взглянула на тренера. Тот кивнул. Видно, тоже смотрел карту.

Юноша бежал впереди, сворачивал в узкие переулки, перепрыгивал старые трамвайные пути, сокращал путь через маленькие овощные рынки, сейчас пустые.

Он не сомневался, что Лион и Миа не отстают: спортсмены все же.

Рядом с ними спешили бэйцзинцы, также оставшиеся без транспорта. Тащили узлы, сумки и детей. Выныривали из одних переулков и скрывались в других.

Феликс решил, единственная возможность спастись – забраться на монорельс, идущий над городом. Облако хлора будет опускаться, затекать в подвалы, задерживаться на нижних этажах, застаиваться в узких проходах между домами. Шанс выжить – подняться над ним.

В какой-то миг Феликсу показалось, что глаза начинает жечь, и он побежал быстрее. Дыхание с шумом прорывалось сквозь влажную повязку. Обернувшись, он увидел, что Миа бросила свой рюкзак, оставила лишь лук в чехле. Она тоже дышала тяжело. Покрасневший лоб тренера покрывали крупные капли пота.

«Я бы не смог вытащить Янлин, – подумал Феликс без малейшего эмоционального всплеска. – Пришлось бы бросить ее здесь».

Впереди, над домами показался гигант монорельса. Высотная дорога на суставчатых железных ногах.

При виде него у беглецов открылось второе дыхание. Уже издали было видно, как лифты-подъемники штурмует толпа. Такое же столпотворение на лестницах. Эскалаторы отключили.

– Расчихлила бы ты лук, – сказал Феликс Мие, голос его глухо прозвучал из-под тряпки.

Глаза девушки удивленно расширились.

– Расчистила дорогу, – дэймос кивком указал в толпу у лестницы.

Конечно же у нее и на секунду не возникла мысль, что он говорит серьезно.

Цепочка военных в противогазах сдерживала паникующих людей. И медленно пропускала за оцепление.

Феликс уже приглядывался к солдатам, прикидывая, как снять у кого-то из них какую-нибудь мелочь с одежды и не получить прикладом в лицо.

Но тренер приказал:

– За мной.

Вытащил из кармана листок, сложенный в несколько раз, и быстро направился к оцеплению. Показал документ старшему по званию. Тот изучал его некоторое время. Лицо,

скрытое маской противогаза, было неразличимо. Потом махнул рукой, и трое граждан Полиса были пропущены к подъему на монорельс.

– Поездов нет. – Прогудел голос военного из-под плотной маски. – И вряд ли будут.

Проходя мимо него, Феликс споткнулся и как будто случайно ухватился за его руку.

– Простите, – пробормотал он на койне. – Устал.

Его слегка подтолкнули в нужном направлении, приняв извинения.

Завыла сирена. Теперь совсем близко. Подъем по неработающему эскалатору Феликсу не запомнился. Единственное, что он понял – взлетел вверх точно птица.

Сотни людей сидели на платформе, стояли у перил. И лица всех были направлены в одну сторону. Туда, откуда медленно ползло тяжелое желто-серое облако...

...Пахло лекарствами. На сгибе руки что-то мешало. Феликс открыл глаза. Над ним был белый потолок с длинными лампами.

Дэймос приподнял голову и увидел, что лежит на узкой кушетке, отгороженной с двух сторон белыми ширмами. Прямо – в узком открытом пространстве – мелькали фигуры. Тоже в белом.

Феликс посмотрел на руку и обнаружил причину дискомфорта: в вену вставлен катетер, от него тянулась длинная

трубка к капельнице. Там висел пакет с прозрачной жидкостью. Наполовину пустой.

Больница?

Он не мог вспомнить, когда последний раз был в больнице. Может быть, в детстве. Прислушался к своим ощущениям. Ничего не болело, не ныло, голова не кружилась. Только чесалось то место, куда была вставлена игла.

Феликс сел, потом спустил ноги с кровати и, взявшись за стойку капельницы, поднялся. Здесь он ощутил первый укол тревоги – его одежда исчезла. Он был одет в больничную пижаму.

Потом – увидел несколько иероглифов на табличке.

Значит, он еще в Бэйцзине. И это открытие совсем не порадовало молодого танатоса.

Было непонятно, что случилось с его спутниками. Куда подевались Мия и Леон.

И где его вещи?

Навстречу Феликсу, уже совсем собравшемуся отправиться на поиски, метнулась медсестра. Невысокая, крепкая, целиком запакованная в униформу, тоже белую. И вежливо, но строго велела укладываться обратно. В ее речи звучал неистребимый акцент синьдзянского округа.

– Где мои спутники? Что произошло? – спросил Феликс по-бэйцзински.

– Я не буду отвечать на ваши вопросы, пока не ляжете, – произнесла она, и ему пришлось подчиниться.

Раскосые глаза девушки несколько мгновений смотрели на него без всякого выражения, затем, наклонившись, она произнесла негромко:

– Вас привезли военные. Девушка в палате интенсивной терапии. Состояние стабильно-тяжелое.

– А мужчина?

– Поговорите с доктором. Он скоро придет, – ответила медсестра, которая и так сказала слишком много для своей скромной должности.

И торопливо ушла.

Феликс откинулся на подушку. По большому счету, в визите врача он не нуждался. Медсестра сказала больше, чем могла.

Он жив, здоров. Нет ни кашля, ни жжения на коже. Мие повезло меньше, а тренеру еще меньше, точнее не повезло совсем.

Похоже, пока Феликс был без сознания, его подлечивал Нестор.

Или госпожа Киа помогла?..

Выпадать из реальности сейчас совершенно не хотелось, но Феликс почувствовал как тяжелеют его веки, а в глаза словно песка насыпали. Он стал отключаться, засыпать... В этот раз погружение проходило как никогда медленно. Пространство сновидений принимало его весьма неохотно. Все вокруг было серым, сумрачным, словно дэймос попал в облако хлора. Сквозь него оставались видны больничные

кровати, ширмы, капельницы. Ходил медперсонал, кажущийся из этого витка сна бледными тенями.

А потом в блеклом выцветшем мире прозвучал знакомый голос.

У Феликса не было ни одной вещи хариты, не было известно пути в ее сон, не было даже представления о том, как она выглядит в жизни. Госпожа Киа нашла его сама. Снова.

Он повернул голову и увидел ее, неотличимую от туманного пространства вокруг. На этот раз ее краски были черными и белыми. Даже в темных, гладко причесанных волосах белел изысканный цветок гибискуса.

– Госпожа Киа, – произнес дэймос. Смотря снизу-вверх на женщину, остановившуюся у его кровати.

Феликс подал ей руку и вложил в ладонь все, что узнал, блуждая в израненном подсознании Янлин. Со стороны казалось, будто это сверкающая сеть – пути, где одна из нитей горела тревожно-багровым. Дорога к дэймосу. Одному из тех, кто дергал за ниточки марионеток в правительстве Бэйцзина.

В темных глазах госпожи Кии мелькнуло понимание и благодарность.

Больше не было загадочной двусмысленности сна и яви, а также игры лиджуан, туманящей разум. Сейчас она принесла ему четкое и ясное послание:

– Мы просим помощи мастеров сна Полиса, – сказала

женщина, одетая в траурные одежды. – Я хочу убедить тебя передать послание, стать моим доверенным лицом и представить твой мир снов как моего связного. Как площадку встречи со старшим представителем Пятиглава.

Дэймос усмехнулся недоверчиво. Это, действительно, было слишком прямо и смело. Самоубийственно смело. Любопытно, как она себе это представляет? Танатос явится к мастерам сна Полиса с призывом о содействии Бэйцзину. Успеют ли они поблагодарить гонца за ценную информацию, прежде чем отправят на перековку?

Харита словно не замечала его выразительной ухмылки:
– Авария на заводе означает, что дэймосы начали передел собственности. Для них очень удачным оказалось убийство, которое ты совершил. ...Я уже говорила тебе, что ты слишком активен. Теперь это повлекло за собой цепочку очень тяжелых и трагических событий, множество смертей. Я тебя в этом не обвиняю. Это обычное свойство сновидящих твоей природы. Но нам нужно остановить то, что происходит. Потому что будет хуже.

Три смерти в год – мелькнуло в памяти давнее наставление Нестора. А он, едва выйдя из дома, убил пятерых. Если не считать всех погибших в результате выброса. Да, Феликс не обольщался, вина в этом лежала исключительно на нем.

«Удачно» получилось: один из сильных дэймосов, держащий предприятие в своих руках и распоряжающийся прибылью, ликвидирован. Легко устроить диверсию и свалить все

на покойного Лихонга. Как плохо он управлял заводом, довел до катастрофы, да еще и сам погиб. Теперь можно вынудить правительство передать миллионно-прибыльную компанию другим, более опытным и знающим. Уж они-то до такого не доведут...

Молодой танатос кивнул своим мыслям. А Киа продолжила:

– Границы закрыты. Выехать невозможно. Я не смогу никого отправить прямо сейчас. Но ты окажешься в Полисе уже в ближайшие дни. У нас есть выходы на тех, на кого надо выйти. Мы собрали всю информацию, но у нас нет сил, чтобы совладать с ситуацией. Я обещаю тебе защиту и неприкосновенность твоих интересов. Сейчас и в будущем.

Ее голос был негромок и мелодичен, но в нем звучала такая сила и несгибаемая воля, что Феликс почувствовал, как мир снов начинает плыть, словно от порыва сильного ветра.

– От тебя требуется только прибыть в Полис. Добиться аудиенции главы Пятиглава. Я закрою твой мир, они не узнают твоей истинной сути. Позже я объясню Тайгеру, что ты мой родственник. И потому у меня была возможность выйти с тобой на связь.

В размытых картинках, которые проносились мимо, он видел, как именно она может «укрыть» его. Легкие, но очень достоверные образы. И это была не только обычная уловка дэймосов – перекидывать могилы своих жертв в мир снов

другого, более слабого сновидящего. Госпожа Киа меняла саму суть его мира. Делала *другие* акценты. Высочайшее мастерство хариты...

— Дэймосы перешли последнюю черту. Теперь и Полис пострадал. Его граждане. ...твои спутники... Это дополнительная причина вмешаться. Узнав всю правду, Пятиглав не сможет не отреагировать. Мне известно, что сейчас у них тоже тяжелая ситуация, но для них недопустимо будет остаться в стороне. Пожалуйста, помоги нам, феристис.

Образ ее стал отдаляться, а черно-белую картинку постепенно заполнила белесо-сизая мгла.

— И... я очень рада, что ты выжил, сын Лиатонг, — вздохнул мир снов голосом бэйцзинской сновидящей.

«Я помогу», — не успел ответить Феликс... и сон закончился.

Домой, в Полис, они возвращались вдвоем. Мия с отеками на лице, с темными тенями под глазами, сидела в кресле вагона Гиперпетли и прижимала к себе лук в чехле. Единственное, что осталось у нее от прежней, разумной и стабильной жизни.

Остальные из команды стрелков ехали в отдельном вагоне.

В надежно запечатанных гробах. Феликс и Мия сопровождали тела соотечественников домой.

Бэйцзин принес Полису глубочайшие извинения и собо-

лезнования в связи с произошедшей трагедией.

Глава 5

Очень долгий сон

Картинка поплыла, начала смазываться, словно мир, в котором я был только что, поглотила глухая тень Танатоса. Не убийцы-дэймоса, а бога смерти.

Еще пара мгновений парения в пустоте, и я снова стоял в гостиной своего надежного, таинственного убежища. За распахнутыми окнами пели птицы, пролетали, бархатно гудя, пчелы, стрекотали далекие кузнечики на берегу.

«Обгоняя сон», — мелькнула чужая полумысль-полуощущение. Он учил меня погружаться в тот мир так быстро, чтобы обойти всех возможных врагов. Чтобы они не могли даже уловить этот переход из одной реальности в другую. Значит, изначально это было умение Феликса, и он дал мне возможность перенять его... А вот убивать с такой же легкостью так и не смог обучить.

Безмятежный летний зеленый день разрушил тихий скрип отворяемой двери.

— Аметист... — прозвучал за спиной знакомый до последней интонации голос.

Можно было не оборачиваться. Я и так знал, что он стоит, прислонясь плечом к дверному косяку, и насмешливо смотрит на меня. Точно такой же, как прежде. Если считать тело

сновидения копией реальной оболочки.

– Здравствуй, Феликс... Феникс.

– Хорошо, что ты нашел дорогу сюда.

– С твоей помощью.

Я все же обернулся.

Он стоял там, где я вообразил. Светлые глаза на загорелом лице смотрели на меня внимательно и напряженно. В темных кудрявых волосах застрял клочок паутины, точно дэймос только что спустился с чердака, где искал что-то в пыли и запустении. Хотя и вернулся, видимо. Только с чьего? Серые брюки и черная рубашка с закатанными рукавами, которая была на нем в последний раз в реальности.

Это снова напомнило мне о том, что мой учитель мертв.

– Что это за место?

– Тайник. Убежище... – улыбнулся Феникс многозначительно, – фрагмент моего подсознания, вплетенный в канву мира снов.

«Как запись на пленке? – подумал я. – Как... беседа с программой искусственного интеллекта? Визуальный образ тела сновидения, словно трехмерная голограмма... Стандартный набор фраз, с возможностью изменения в зависимости от моих ответов... Вроде типового завещания-последнего напутствия для детей от умерших родителей? Когда можно побеседовать с видеоголограммой: близкий человек, которого давно нет рядом, тебе ответит – если произнесешь конкретную фразу, слово, или задашь правильный вопрос.

Это будут его истинные мысли, его совет тебе, его рассуждения. А запись была сделана, естественно, при его жизни и он хотел оставить такой вариант посмертной беседы. Чтобы как можно сильнее уменьшить чувство потери. Это возможно?.. В мире снов реально сделать такое же, как и в реальном?»

– Он закольцован сам на себе. Здесь я могу говорить с тобой свободно. Все, что ты увидишь и услышишь, останется тут, и никто не сможет вытащить воспоминания об этом из твоего подсознания. А если попытается, его просто выкинет из твоего сна.

– Как выбросило Амину, исцеляющую моего дэймоса?.. Ты знаешь про нее?

– Конечно. Я же у тебя в голове. – Он улыбнулся как тогда, десятки лет назад, когда выволакивал меня из моего персонального кошмара.

Нереально было стоять рядом с учителем, считать его давно погибшим и видеть вновь вернувшимся... живым. Пытаться разделить с ним свое прошлое, которого для него не существовало.

– Я тоже скучал, когда он умер, – произнес Феникс тихо, явно читая мои мысли.

– Твой наставник? Нестор? Отчего он умер?

– От старости. Представь себе, Аметист, иногда дэймосы умирают от старости.

– И где...?

– Ты был на кладбище. Рядом с моей могилой – старый холмик, поросший травой. Он лежит под ним. Ты похоронил меня рядом с моим учителем.

Было дико слышать эти слова о смерти и похоронах, стоя рядом с так похожим на живого Феликсом... Фениксом.

– Но как это возможно? Как ты можешь существовать?

– Когда морок придет к тебе в следующий раз, ты согласишься на сотрудничество. – Танатос сделал вид, что не слышал моих вопросов, а может, действительно, отмел их как несущественные.

На улице зашумел ветер, заскрипел старый сук, нависающий над тропинкой, грозя обломиться. Стукнула створка открытого окна.

– Зачем тебе это нужно?

– Не доверяй никому. – Он явно прислушивался к предгрозовому шуму сна. Желтые глаза сузились, темные брови почти сошлись на переносице. – И если вдруг захочешь довериться кому-то, не доверяй себе.

Кредо создателя кошмаров. Как мне это знакомо.

– Тебе тоже не доверять?

Феникс лишь усмехнулся. Ответ был очевиден, я все равно буду делать то, что он запланировал.

– Вступи в клуб богатых и влиятельных, – продолжил он, повторяя слова из своего прошлого, – ты им нужен. И у тебя получится завладеть их вниманием.

Феникс повернул голову к окну, за которым солнечный

день слегка померк, словно облака начали затягивать небо, и тревожно зашумели листья. Я невольно оглянулся, чтобы понять, что привлекает его внимание. Кажется, он смотрел на старую мастерскую Нестора.

Ощущение того, что мое время в этом сне заканчивается, становилось все более отчетливым. Нужно торопиться понять как можно больше.

– Ты хочешь, чтобы я узнал у морока что-то конкретно?

Он взглянул на дверь, возле которой стоял, и я понял, что мне пора уходить. Летний день за окном начал стремительно темнеть. Сон растворил силуэт Феникса и вытолкнул меня на поверхность.

Где-то за пределами чердака, в реальности, надрывался мой коммуникатор, требуя ответа на срочный вызов. ...А я продолжал лежать на старом диване, пропахшем пылью, не спеша подниматься, смотрел в потолок, где вечно мотался на привязи скелет птицы-дракона с растопыренными белыми крыльями.

Я видел уже три воплощения этого дома. Первое: в реальности. Второе: то, где бывал в обычном сне... И теперь еще одно: открывающееся по мысленному приказу-паролю, который наконец дал мне Феникс.

Мои размышления о доме потянули за собой неизбежные мысли об учителе. Теперь я понимал, что он каким-то образом связал «фрагмент» своего тела сновидения с этим убежищем.

Интересно, в какой момент танатос «вписал» его в наше жилище? Когда Тайгер уже поймал его или до того? После перековки? Вложил все свои последние силы в эти стены и умер, истощив себя окончательно?

Тайгер не нашел наш дом, меня в этом доме, не знал пути к нему. Значит, во время перековки Феликс не открыл это место.

И тело сновидения моего учителя оставалось здесь как голограмма и как запись программы защиты, которая активизируется... когда? Ответ у меня был: когда я вернулся домой.

Все эти стуки, разбитые банки с пуговицами, звуки шагов...

– Когда я вернулся, дом активировал защиту, – повторил я вслух.

Зеркало, старинный артефакт про который я знаю лишь то, что его сделал Нестор. Даже Тайгер никогда не видел ничего подобного. Не удивлюсь, если Феликс «поработал» именно с ним.

Поскольку в ограниченном фрагменте мира снов существует лишь ограниченная часть личности Феникса – он «слышит» не все мои слова, реагирует только на то, что вложено в «программу»... Но и этого ресурса оказалось достаточно, чтобы спасти меня и Хэл от Альбиноса.

Видимо, «код» сработал на «крючок» в моем подсознании: меня начали убивать, я это осознал, включился спусковой механизм и появился Феникс.

То есть, мои враги, по сути, правы: Феликс, действительно, передал мне свой огонь.

Но пользоваться им я, по-прежнему, не умею...

Я поднялся и вышел из комнаты. Зеркало в этот раз не отражало ничего. Только поблескивало стальной амальгамой. Загадочные врата в мир снов не могли дать мне именно тех ответов, что были нужны. Также, как и мой учитель.

Вот только зачем он привел меня в это место?.. И что хотел показать?

Я встал, спустился по лестнице и прошел в комнату – отражение той, где видел его. Та же старинная темная мебель, буфет бледно отсвечивал мутными стеклами, древняя посуда затаилась за ними, явно наблюдая за мной. Пасть камина распахнулась в ленивом зевке, да так и застыла, передумав захлопываться. Лишь пыльный темно-зеленый диван у стены добродушно приглашал присесть за него.

Одна деталь занозой засела в моей памяти. Взгляд Феникса. Танатос смотрел в окно... Зачем? С какой целью?

Пытаясь понять, что именно привлекло тело сновидения моего учителя там, я почти неосознанно принял его позу. Повернулся, встал, едва касаясь деревянного подоконника, наклонил голову. В поле моего зрения тут же попал высоченный куст черемухи с облетевшими листьями, а за ним – сизые от времени, выбеленные ветром и дождем доски мастерской. Вот такая картина открывалась, заключенная в тяжелую оконную раму.

Несложно было проверить мою догадку. В прихожей я сдернул куртку с вешалки и, одеваясь на ходу, вышел из дома.

В первый миг неожиданная смена привычного пейзажа заставила остановиться на крыльце. Все было белым. Земля вокруг дома, крыши сараев, дорожки, кусты, тяжелые ветви лиственниц засыпал мягкий ледяной пух. Он выпал за то время, пока я блуждал по миру снов.

Ни единой цепочки следов не тянулось от калитки к крыльцу – шаги четко отпечатались бы на тонком слое первого снега.

Сныть алыми мазками проглядывала сквозь тяжелые хлопья, склонившие ее к земле.

Холодный ветер принес с собой легкий аромат дыма из каминов и подмороженных яблок.

«Этот снег растает. Уже завтра», – подумал я и шагнул в нетронутую белизну двора.

Дверь мастерской не запиралась на ключ, ее можно открыть, потянув за незаметную нить лески, отодвигавшую с той стороны деревянный брусок, свободно ездящий между двух скоб. Но эту полуневидимую леску еще надо найти.

Я успешно справился с задачей и вошел. В ноздри тут же просочился знакомый запах дерева, старого и свежего, металла, кожи, олифы и машинного масла. Помещение – достаточно небольшое – было использовано очень грамотно. Все свободные поверхности заняли полки с инструментами,

коробки с гвоздями, гайками и шурупами. Помню, Феликс находил нужное ему, не глядя, настолько хорошо знал, что где лежит.

Старый деревянный верстак придвинут к окну с частым переплетом. Маленькие тиски для работы по металлу, по-прежнему, прикручены к нему. За ним я когда-то проводил часы, вручную вытачивая ключи из заготовок, снятых со слепков, сделанных где-то учителем.

На стене висят стамески. Каждая точно на своем месте, отведенном только для нее, обведенная контуром. Чтобы после использования повесить именно туда, откуда ее взяли. Но одна ячейка пуста.

Я окинул взглядом все горизонтальные поверхности – и не обнаружил инструмент. Это было странно. Неправильно. Заурядное дело для любого другого: кто-то взял нужную в тот момент вещь и не вернул обратно. Забыл, или потерял, сунул на другую полку. Обычная ситуация для обычного человека, однако не для того, кто тщательно бережет любую мелочь, не позволяя прикасаться к ней чужим рукам.

Не для дэймоса.

Я еще раз быстро проверил все полки, но стамеску так и не нашел.

Взгляд Феникса на мастерскую, пропавший столярный инструмент... Звенья одной цепи, подсказка, которую он хотел мне дать.

Я быстро вернулся домой, взбежал по лестнице на чердак

и, не снимая куртки, рухнул на диван. Второй, или уж третий, выход в сон за сегодня.

Мой дом в мире кошмаров затаился выжидательно, как будто предвкушая. Он-то знал ответы на все вопросы.

В мире снов двор выглядел точно также как и наяву. Лишь снег его не засыпал. Размышляя отстраненно о том, имеют ли какую-то связь погодные условия в настоящем со сновидением, я прошел в мастерскую, точную копию той, что посещал несколько минут назад.

Даже запахи: дерева, металла и краски были прежними. Но остальное выглядело по-другому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.